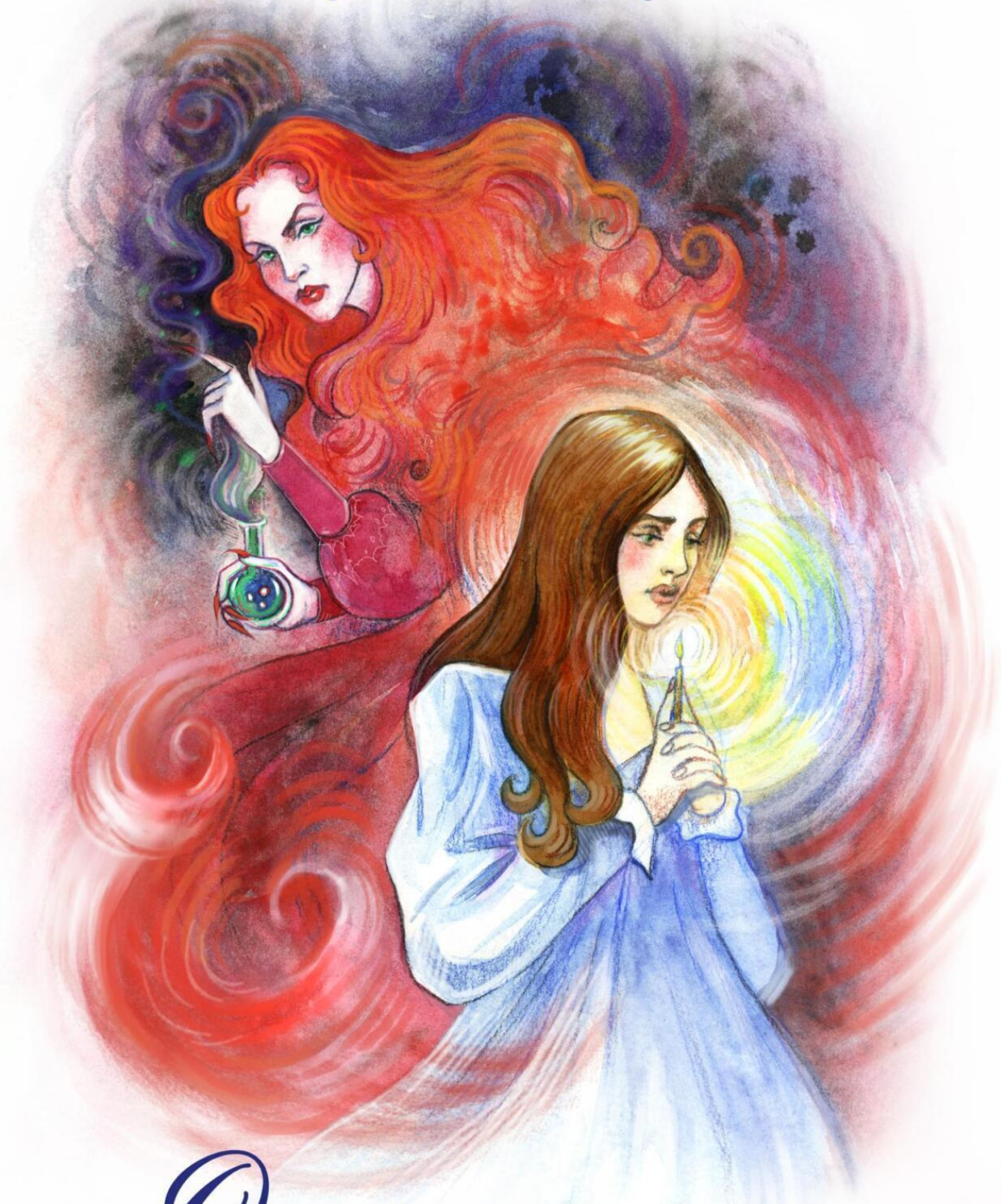

Екатерина Богданова

Озаряя тьму

Душа дворянки

Екатерина Богданова

Озаряя тьму

«Автор»

2023

Богданова Е. А.

Озаряя тьму / Е. А. Богданова — «Автор», 2023 — (Душа дворянки)

Нестор и Юлия после венчания переезжают в Петербург, в красивый дом на Фонтанке. Молодые живут мирно и счастливо. Однако тёмные силы не дремлют. Виссарион Вяземский приходит в ярость от своевольного поступка сына, и страшное возмездие не заставляет себя ждать. Ведьма Маргарита также решает жестоко отомстить сопернице и увести бывшего любовника, страсть к которому в ней не угасает. Что делать, если медовый месяц превратился в настоящий ад? Нестор и Юля готовы отдать всё на свете, чтобы в их семью вернулись безмятежность и радость.

Содержание

Глава 1. Дом на Фонтанке	5
Глава 2. Затишье перед бурей	11
Глава 3. Чёрное возмездие	19
Глава 4. Жертвы	29
Глава 5. Разрыв	36
Глава 6. Золотые слова	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Богданова

Озаряя тьму

Глава 1. Дом на Фонтанке

Пробудившись, я почувствовала упоительный терпкий запах свежесваренного кофе, душистой корицы и вкусной горячей выпечки. При свете дня мне удалось разглядеть убранство просторной княжеской опочивальни: завитки лепнины на высоком потолке, богатую бежево-золотистую отделку стен, гипсовые статуэтки и огромный шкаф-гардероб на изогнутых ножках.

– Доброе утро, мадам, – произнёс Нестор и поставил на прикроватную тумбочку посеребрённый поднос. – Ваш утренний кофий и штрудель, только что из булочной!

– Доброе утро, – смущённо улыбнулась я и опустила глаза. – Это так мило с твоей стороны! А я не сдержала слова: уснула, так и не дождавшись тебя.

– Это ничего. Впереди тысячи чудесных вечеров, чтобы наверстать упущенное! Вставайте, княгиня, пейте кофий и одевайтесь. Нас ждут дела. Татьяна! – позвонив в колокольчик, позвал Нестор.

На пороге появилась моя служанка и поприветствовала меня низким поклоном.

– Доброе утро, барин. Доброе утро, барыня, – раскланялся вошедший вместе с ней Пантелей. – Отец Алексей пожаловали-с, в гостиную ожидают.

Решение мужа освятить новый дом я посчитала очень мудрым. Молитвы, прочитанные священником, вселили в сердце покой и искреннюю веру в то, что сам Господь будет оберегать наше уютное жилище от всякого зла. После я взялась за перо. В первую очередь я сообщила маме, что до Петербурга мы добрались благополучно, и пригласила её на день рождения Нестора. Затем написала учителям однотипные письма с просьбой возобновить учебные занятия. Мой муж в это время следил за работой мастеров, нанятых для отделки комнат в верхнем этаже.

– Таня, будь добра, разбери мой дорожный сундук и уложи вещи в шкаф, – вернувшись в спальню, обратилась я к немой служанке, и та занялась моими платьями.

Я открыла французский сборник и перевела ещё три довольно интересных рассказа.

– Одна по-французски читает, другой учит мужиков стены мазать. Дети академики будут, не иначе! – войдя, усмехнулся Ананий. – Скорей бы уж Варька со стариком приехали. Вредный он, а скучно без него – прямо мочи нет!

– А ты бы тоже делом занялся, – посоветовала я. – Там, глядишь, и скука пройдёт.

– Так я делом занимаюсь. Барин вот прислал тебя проведать. Стены мажет, мужиков ругает, а сам об одной тебе только и думает.

Через час я с приятным волнением почувствовала, как на мои плечи опустились тёплые ладони любимого.

– Довольно на сегодня французского, сударыня, – сказал он и закрыл лежащую передо мною книгу. – Не желаете ли пообедать?

– С удовольствием, – улыбнулась я и отложила перо.

В столовой нас ожидали две незнакомые сутуловатые крестьянки в поношенных сарафанах и лаптях.

– Кто это? – заметив их, спросила я.

– Ефросинья, наша новая кухарка, – указав на полную коренастую женщину лет пятидесяти, улыбнулся Нестор. – И её дочь Хавронья, наша горничная.

– Работать дённо и ночью будем, барин, – пообещала Ефросинья. – Только в деревню нас не отправляйте. Мы с дочкой и мечтать-то не могли в стольном городе оказаться да в барском доме жить.

– После обеда дам вам денег на приличные для городской прислуги платья и туфли. А пока принимайтесь за дело, – распорядился мой супруг, и мать и дочь оставили нас наедине.

Нестор отодвинул для меня один из стульев за длинным, рассчитанным на пышную трапезу столом.

– А ты строгий хозяин, – улыбнулась я и опустилась на мягкое сидение. – Ананий рассказал мне, что ты ругал за что-то рабочих....

– Ленятся негодники, лепят всё как попало, – Нестор сел напротив меня. – Да и немудрено: не для себя ведь делают. Но с князем Вяземским подобные фокусы точно не пройдут.

– Ты сказал «фокусы», и я сразу вспомнила представление Анания на свадьбе. Кстати, Нестор, скажи мне.... Ведь он обещал подарить нам подарок. Ты не знаешь, отчего он до сих пор этого не сделал? – спросила я.

В столовую зашла Ефросинья. Она принесла на подносе две глубокие тарелки с первым блюдом, хлеб, вазочку сметаны и два посеребрённых прибора.

– Красный борщ с пампушками, барин, – отчиталась она, ловко расставляя на столе посуду.

– Что ж, превосходно. А как себя чувствуют ростбиф и пюре? – спросил молодой князь, и кухарка растерялась. – Ну, мясо говьяжье запечённое и мятый варёный картофель!

– А, мясо с картошкой! Почти готовы, барин. Через четверть часа подойдут! – Ефросинья поспешно удалилась.

– Bon appétit, Julie! – пожелал мне любимый, когда мы остались вдвоём.

– Bon appétit, – пожелала я и, следуя его примеру, принялась за горячий наваристый борщ со сметаной.

– Признаться, я не хотел говорить тебе, – со вздохом произнёс молодой князь. – Подарок Анания тоже был коварно украден *ею*.

– Ты имеешь в виду Маргариту? – уточнила я.

– Да, – ответил Нестор. – Это случилось накануне нашей свадьбы.

– Почему ты решил, что это сделала она? – спросила я.

– Красная метка. Она оставила алую подушечку в форме сердца и воткнула в неё шесть штопальных игл. На каждую иглу была наколота жирная личинка.

– Что же он хотел нам подарить?

– Этого я не знаю. Не спрашивал. Вряд ли это имеет теперь значение.

– А мне кажется, что это важно, Нестор. Мы должны выяснить, что Ананий хотел нам подарить! Тогда, возможно, мы поймём, что ведьма затевает против нас!

– Юля, послушай меня.... – остановил меня он и нежно сжал в своей ладони мою руку. – Да, скорее всего, ты права. Но я не могу смотреть, как чёрные мысли терзают тебя! Отпусти их! Не переживай ни о чём, не притягивай в нашу жизнь страдания и беды. Позволь себе просто быть счастливой!

Пообедав, мы отправились на прогулку по вечернему Петербургу. По пути нам встретилось много мостов, как старинных деревянных, так и новых, из прочного камня и литого чугуна, застывшего в форме цветов, завитушек и ангелов. Некрепкий, кое-где разбитый тонкий ледок сковывал реки, каналы и канавки, сияя янтарём в последних лучах заходящего солнца. Ослепительно горели купола церквей и высокий шпиль Петропавловского Собора на Заячьем острове, что виднелся на противоположном берегу.

Мы полюбовались одетой дорогим гранитом Невой и уже зажжёнными вдоль неё масляными фонарями, а после направились к Дворцовой площади. Наслаждаясь приятной пешей прогулкой с любимым по оживлённому Невскому проспекту, я и представить не могла, какое

серьёзное предприятие входит в его планы на этот вечер. Он неожиданно остановился напротив зеленоватого каменного здания в два этажа. Над крыльцом белела крупная вывеска: «Торговый домъ купца Замятина».

– Давайте-ка зайдём, погреемся, сударыня. Заодно и посмотрим... Может, приглянётся что-нибудь, – предложил мой муж.

– Что ты задумал, Нестор? – спросила я.

Он лукаво улыбнулся и крепче сжал в своей ладони мою руку.

Я направилась следом за Нестором в магазин, где продавали верхнюю одежду, начиная с простеньких тонких шинелей и заканчивая тёплыми зимними душегреями.

– Добрый вечер, милости просим-с, – поздоровался хозяин – полный усатый мужчина с густыми и нахмуренными, как у филина, бровями и отпущенной по купеческому обычаю, черной, как смоль, бородой. – Евсей Замятин, ваш покорный слуга. Что вашему владению угодно будет-с? Приобрести что-либо или починить?

– И тебе вечер добрый, Евсей. Покажи-ка нам женские шубки, любезный, – попросил Нестор.

– Что ж, пожалуйста-с. У нас большой выбор есть. Заячьи али овчинные интересуют?

– А соболь имеется? – ответил вопросом на вопрос мой любимый.

– Соболя? – не скрыв изумления, переспросил купец. – Сию минуту... Митька! Полно шинельки починять! Успеется. Соболей для барыни из кладовой принеси!

Митька оказался щупленьким юношей, совсем ещё подростком. Он притащил и выложил на прилавок с десяток собольих женских шуб, одна из которых была краше другой.

– Выбирайте, мадам, какая вам больше по душе, – улыбнулся Нестор, и я растерялась от мысли о том, сколько может стоить сие великолепие.

Мой любимый помог мне выбрать самую красивую и тёплую шубку. Несколько минут – и я уже стояла перед старинным прямоугольным зеркалом, одетая в роскошные собольи меха.

– Поглядите, княгиня: хорошо ли? – спросил Замятин, застегнув последнюю пуговицу на моём царском одеянии.

– Да, – ответила я, нерешительно принимая из рук Нестора пушистую муфту и головной убор, идеально подходящий именно к этой шубке.

– Мне тоже нравится. И нарядно, и в любые морозы согреет. Сколько стоит сия красота? – полюбопытствовал Нестор.

Ответ купца Замятина заставил меня пошатнуться, хотя я и знала, что мех соболя имеет огромную ценность.

– Нет, это очень дорого, – шепнула любимому я. – Может, посмотрим что-нибудь поскромнее?

– Всё хорошо, моя родная, – очаровательно улыбнулся он. – Это мой свадебный подарок.

– Так что же? Брать будете, ваше сиятельство? – донёсся до нас голос Замятина.

– Да. Заверни-ка наши покупки, любезный, да перевяжи покрепче, – положив на прилавок стопку крупных банковских ассигнаций, сказал Митьке Нестор, и паренёк зашуршал горчичного цвета бумагой.

– Покорнейше благодарю, – бегло пересчитав и спрятав деньги, произнёс засиявший как тульский самовар купец. – Пожалуйста снова за соболем, князь. К Рождеству много шуб привезём. Матушке вашей почтенной шубку, быть может, надобно.

– Матушки моей уже восемь лет нет в живых, – тяжело вздохнул мой супруг. – Прощай, любезный!

– Прощайте, ваше сиятельство, – ответили купец Замятин и Митька, которому молодой князь не поспешил дать блестящую монетку на сладости.

На улице уже стемнело. Зато приветливо засветились витрины продовольственных и платьных лавок, загорелись приятным охряно-жёлтым светом окна жилых домов, золотыми оже-

рельями путеводных звёзд зажглись на центральных улицах придорожные фонари. Глядя на Петербург из окошка экипажа, я улыбалась и мысленно благодарила всевышнего за самый необыкновенный, волшебный и сладкий в моей жизни ноябрь.

Мы вернулись домой. В уютном будуаре, на кофейном столике уже ожидал нас романтический ужин: греческая холодная закуска и куриные крылышки под ягодным соусом. Аппетитный натюрморт дополняли пахнущие цветами и ванилью свечи в позолоченных подсвечниках, белоснежные кружевные салфетки, два хрустальных фужера и бутылка вина.

– Стоит отметить сие ценное приобретение, – очаровательно улыбнулся Нестор. – Что вы стоите, мадам? Горячее вот-вот остынет!

– Я очень рада, Нестор, и восхищена твоей щедростью, – заняв место за столом, сказала я.

– Это моя обязанность, Юля, – взяв бутылку, негромко, но твёрдо произнёс Нестор, и в наших фужерах драгоценным рубином заискрилось красное вино.

Тихий мелодичный звон хрустальных фужеров напомнил мне неповторимый день нашей свадьбы. Допив вино и съев после салата вкуснейшее куриное крылышко, я почувствовала, как блаженственная томная нега разливается у меня внутри, заставляя влюблённое сердце биться чаще.

– Вы уже догадались, сударыня? – спросил мой муж.

– О чём вы, сударь?

– О том, что вас ждёт после ужина, – ответил Нестор и медленно, едва касаясь, провёл кончиками пальцев по моей щеке, пытаясь убрать выпавший из причёски выющийся локон.

– Да, – ответила я и почувствовала, как сильная рука молодого князя нежно обвивает мой тонкий стан.

– Так что же? Вы не против?

– Как тебе будет угодно, – не поднимая глаз, ответила я.

– А шоколад? – послышался вдруг бойкий упрёк зашедшего без стука Анания. – Шоколад как же, барин?! Я тут, значит, старался, готовил, и что? Самому теперь пить?

– Совсем забыл! – молодой князь забрал у мальчишки две большие чашки с горячим сладким напитком. – Всё, теперь марш в постель!

– Как скажешь, барин, – вздохнул Ананий. – Только сильно не шумите, а то ведь не усну!

– Ещё одна такая шутка – и покатишься в деревню. Ясно? – с весьма забавной наигранной строгостью пригрозил Нестор.

– Конечно, ясно. Медовый месяц, страсти кипят. Ладно, я пойду, – бубня себе под нос, побрёл к двери Ананий.

– Постой. Позови Пантелея! – приказал мой муж.

– Эй, Пантелейка, дуй сюда живо! Барин зовёт! – донёсся из-за незакрытой двери звонкий голос Анания, и я, не удержавшись, рассмеялась.

– Этот добрый молодец никогда не стучится в двери, – грустно улыбнулся Нестор и отхлебнул из чашки шоколад.

– Этот добрый молодец однажды спас меня от твоего отца, точно так же, без стука вбежав в его спальню. Боже, как я счастлива, что принадлежу не Чёрному князю, не Юсупову, а именно тебе! Что я теперь твоя жена. . . . Нестор, если бы ты только знал! – слетело с моих губ искреннее признание.

Появление слуги заставило нас вновь прервать разговор.

– Вы звали, барин? Что вам угодно будет-с? – спросил Пантелей.

– Ты уже приготовил мне ванну?

– Да, ваше сиятельство, – доложил он.

– Превосходно. Я отлучусь, а вы пока попейте шоколада и полистайте сие занятное издание, сударыня, – протягивая мне модный журнал, сказал мой любимый. – Рождество не за

горами. В вашем гардеробе должны появиться новые платья. Да и новые туфли, по моему разумению, вам не повредят.

Князь Вяземский ушёл. Лакомясь десертом, я с удовольствием разглядывала модные фасоны платьев, однако Нестор не выходил у меня из головы.

Замечтавшись, я и не заметила, как пролетело время, и мой муж возвратился. Наступила моя очередь принять перед сном тёплую ванну.

Спустя четверть часа в тускло освещённую одним напольным канделябром ванную со стуком вошла Татьяна. Она хотела помочь мне вытереться и переодеться после купания. Следом за нею появился Нестор.

– Я помешал тебе? – не приближаясь, спросил он, и обворожительная кокетливая улыбка вспыхнула на его устах.

– Нет, я как раз собиралась выходить, – сбивчиво забормотала я и запнулась от волнения. Мой любимый забрал у Тани полотенце и отпустил её коротким «Ступай».

Подойдя, он протянул мне руку.

– Ну что же вы, княгиня?! – заметив моё замешательство, улыбнулся он. – Я думал, после той ночи в избушке вы стали немного смелее.

Сделав над собою некоторое усилие, я подала ему руку и встала.

– Русалка, рождённая пеной морской, – пылко прошептал он и помог мне укутаться в большое полотенце. – Нет, не ищите ваши туфли, миледи. Где же это видано, чтобы русалки ходили пешком?

Я не успела опомниться, как оказалась у него на руках. Стремительно преодолев верхнюю гостиную, мой любимый принёс меня в спальню и опустил на усыпанную розовыми лепестками белоснежную постель.

– Будь моею, ангел мой! – томно шептали его горячие, как уголь, уста, покрывая мою шею и плечи поцелуями. – Ты так прекрасна...

Я не препятствовала ни расслабляющим ласкам, ни умопомрачительным поцелуям любимого, лишь попросила погасить в комнате свечи.

– Ты спрашивала, как благодарить меня... Подари мне наследника, Юля, – полушёпотом произнёс он, глядя мне в глаза. – Роди мне сына! Это стало бы лучшим подарком для меня!

– Но ведь ребёнок – это очень серьёзно. Это огромная ответственность, – в смешанных чувствах пробормотала я, ошеломлённая его неожиданным откровением. – Это же маленький живой человек! Нужно воспитывать его, учить всему на свете, заботиться о нём. Ты уверен, что хочешь этого, Нестор?

– Это моё самое заветное желание... Скажи: ты согласна?

– Да, – задыхаясь от волнения, прошептала я.

Один огненный поцелуй – и земля уплыла из-под наших ног.

– Скажи мне: ты хотела бы увидеть рай на земле? – тихим проникновенным голосом спросил Нестор.

– Настоящий рай? Разве это возможно?

– Просто закрой глаза, – интригуяще прошептал он.

Смущённо улыбнувшись, я исполнила просьбу и позабыла обо всём на свете в его крепких объятиях. Да, это был рай, где мы стали единым телом и единою душой. В этом раю не существовало ни тревог, ни печалей. Лишь бесконечная и безудержная радость, самая естественная и сильная из всех, что только могут подарить друг другу мужчина и женщина, благословлённые быть вместе Господом Богом.

Однако, к сожалению, ничто на Земле не может длиться вечно. Любовное наваждение рассеялось, огненная буря утихла, и на смену пришли умиротворение и приятная усталость. Глубокая ночь давно уже вступила в свою власть. Огромная полная луна одиноким диском сияла в безоблачных звёздных небесах, и бледный свет её мягко струился из незашторенного

дальнего окна. Поблагодарив меня долгим поцелуем, мой любимый оставил меня, но согревающее до самого сердца живое пламя его страсти ещё долго горело и трепетало у меня внутри.

Весь следующий день мы посвятили позированию одному из самых известных и талантливых портретистов Петербурга. Художник приступил к работе в девять часов утра и окончил её только в девять часов вечера. Перерыв мы сделали всего на полчаса, чтобы немного размять ноги и пообедать. Наградой за наше терпение стал большой, написанный с необыкновенной точностью парадный портрет, который мы, благодаря графине Завьяловой, получили даром.

– Нет-нет, всё оплачено, ваше сиятельство, – сказал живописец. – Коли вам будет угодно приобрести ещё один портрет, я всегда к вашим услугам.

Мой муж настаивать не стал. Попрошавшись с живописцем, он отдал деньги мне, дабы я купила к новой шубке тёплые зимние сапожки, и удалился в кабинет. Я же, догнав художника в холле, обратилась к нему с просьбой:

– Не могли бы вы написать ещё один мой портрет, только маленький? Такой, чтобы он поместился в этот медальон? У мужа скоро день рождения, и мне хотелось бы сделать ему приятный подарок.

– Хорошо, мадам. Мне уже доводилось работать над похожими заказами. Медальон с портретом вы получите через пару дней.

– Будьте так любезны: подпишите конверт моим именем. Я бы не хотела, чтобы мой муж обо всём узнал, – попросила я и, обернувшись, неожиданно увидела Нестора.

Живописец удалился, и мой любимый потребовал объяснений.

– Так о чём же я не должен узнать, сударыня? – строго спросил он. – Быть может, у вас появился тайный поклонник?

– Даже если таковые и появятся, я не отвечу на их чувства, – пообещала я. – Теперь у меня есть муж. И больше никого не может быть.

– Что ж, тогда пойдёмте ужинать, – улыбнулся Нестор, и мы отправились в столовую, где уже ожидала нас холодная закуска из овощей и сельди и горячая, под сырным соусом индейка на виноградных листьях.

– Юля, я узнал, что хотел подарить Ананий, – пожелав мне приятного аппетита и поблагодарив меня за ответное пожелание, сказал Нестор.

– Что же? – положив вилку, спросила я.

– Натальный крест для нашего первенца. Особенный крест. . . . Обладающий силой, которая превосходила даже твой оберег!

– Я так и думала. Маргарита затевает что-то не только против меня, но и против наших будущих детей! Нужно что-то делать. Честное слово, я не могу так больше. Может быть, сходим на службу в собор? – предложила я, надеясь, что пение церковного хора, мудрые лики святых и кроткая молитва помогут мне и моему любимому вновь обрести в душе своей божью благодать и покой.

– Да, безусловно, – согласился Нестор.

Глава 2. Затишье перед бурей

Холодное ноябрьское солнце ещё не взошло, когда мой любимый отправился на службу в Академию наук. Сквозь сон я слышала, как Нестор поспешно умывается, бреется и одевается. Он старался не шуметь, но всё же выдавал себя плеском воды, шелестом ткани и звуками осторожных шагов. Через полчаса после его ухода меня разбудила Татьяна. Я вскочила с постели, дабы успеть позавтракать и привести себя в порядок к началу учебных занятий.

Сначала я занималась арифметикой с мсье Грановским, затем – естествознанием с мсье Лыковым. Последним уроком был французский, которому меня по-прежнему учил высокообразованный, однако слишком вспыльчивый и придиричивый Жан-Батист Делор.

– Что ж, на этом на сегодня закончим, мадемуазель, – взглянув на часы, наконец, сказал мой наставник.

– Мадам, – негромко поправила я, и улыбка заиграла на моих устах.

Не только окружающие, но и я сама до сих пор не могла привыкнуть к почётной, но непростой и ответственной роли взрослой замужней женщины.

– Да-да, мадам Вяземская, – вспомнил учитель.

В дверь постучали, и на пороге появился мой супруг.

– Ну что, как дела у вашей ученицы? – поздоровавшись с учителем, поинтересовался Нестор. – Поддаётся ей гранит науки?

– Жюли овладевает основными грамматическими правилами, – скептически заметил Делор. – Однако выдающимися способностями к изучению языков она не обладает.

– Тем не менее, она готова усердно заниматься для того, чтобы освоить разговорный французский. Примите. Это ваше жалование, – сказал Нестор, и учитель откланялся.

Оставшись вдвоём, мы не скрывали взаимную радость от долгожданной встречи и заключили друг друга в нежные объятия. Нестор почувствовал, что слова француза оставили у меня внутри неприятный горький осадок.

– Полно, не печалься, – утешил меня он. – Во-первых, это его субъективное мнение. Во-вторых, твоему горю нетрудно помочь. Каждую среду и каждую субботу мы будем общаться на французском языке. Как тебе такая мысль?

– Она гениальна. Впрочем, как и все ваши прочие мысли, князь, – с улыбкой ответила я и склонила голову на его плечо.

– Скучала без меня? Ждала меня?

– Конечно! Я считала минутки до твоего возвращения!

– Я тоже постоянно думал о тебе, – признался Нестор.

Мой любимый распорядился о том, чтобы накрывали на стол, ибо давно уже наступило время обеда. Также он приказал не скупиться на хорошие дрова, которые дают больше тепла.

– Душа моя, да ты совсем озябла! – чутко заметил Нестор.

Он укутал меня тёплым пледом и распорядился, чтобы обед перенесли на кофейный столик у камина. Именно здесь несколько дней назад, уставшие с дороги, замёрзшие в экипаже, но безумно счастливые, мы впервые согревались чаем в новом доме, а рядом возвышалась целая пирамида свадебных подарков.

– Так-то лучше, сударыня, – улыбнулся Нестор и занял место напротив. – Я не прощу себе, если вы простудитесь и захвораете.

– Расскажи, как у тебя всё прошло, как тебя встретили, как приняли, – попросила я, наблюдая, как Ефросинья проворно раскладывает столовые приборы.

– Картофельный суп, ваше сиятельство, – закончив сервировку стола, отчиталась она. – Когда второе подавать прикажете-с?

– Через четверть часа, любезная, – ответил Нестор, и мы, приступив к обеду, продолжили наш разговор. – Всё прошло превосходно. Со многими коллегами я уже был знаком. Два года назад я поступил учиться на врача, однако уже через неделю один из преподавателей сказал, что моё место не на студенческой скамье, а за преподавательской кафедрой и что российский университет не даст мне новых знаний. Я успешно сдал все экзамены, даже толком не готовясь к ним. Вот, собственно, и вся история. Кстати сегодня же я должен обустроить новую лабораторию. В кабинете страшный беспорядок. Надо разобрать там всё, разложить так, как мне будет удобно. Вот только я не хочу оставлять тебя одну.

– Не беспокойся, я найду себе занятие, – поспешила утешить его я.

После обеда я принялась за вышивание, однако бросила это дело. Ноги сами понесли меня на первый этаж, в кабинет любимого. Постучавшись, я отворила дверь и увидела настоящий склад из нагромождённых коробок, свёртков, корзин и перевязанных кип бумаги. Нестор одну за другой извлекал из ящика закупоренные колбы с реактивами. Услышав мои шаги и шелест платья, он обернулся.

– Я пришла помочь тебе. Можно? – приблизившись к нему, негромко спросила я.

– Не стоит, Юля, лучше отдохни, – отказался он. – Наверняка занятия утомили тебя.

– Пожалуйста, Нестор, позволь мне остаться! – взмолилась я, приобняв его за плечи и пытливо заглянув в его глаза.

– Хорошо. Только будь осторожна.

Несколько часов мы с Нестором разбирали толстые книги, расставляли по полкам склянки с реактивами и раскладывали по ящикам увесистые папки, набитые желтоватой бумагой. Я внимательно слушала мужа и исполняла всё, о чём он просил, стараясь ничего не испортить и не перепутать.

К семи часам вечера кабинет преобразился до неузнаваемости. Завалы вещей были разобраны и рассортированы, мусор выброшен, а коробки отправлены в чулан и на кухню. Уставшие, но довольные и гордые собой, мы присели отдохнуть на диван.

– Спасибо, Юля, – поблагодарил Нестор. – Без тебя я провозился бы здесь до утра.

– Право, не за что! Я буду помогать тебе во всём, на что хватит моего ума и моих сил, – пообещала я. – Мне тоже не безразличны судьбы раненых. Мой отец погиб на войне. Он наверняка бы выжил, если бы рядом оказался хороший врач.

– Ты права, родная, – согласился Нестор. – Невозможно спасти человека с простреленным сердцем или отрубленной головой. Но ранения в конечности и живот не должны становиться причиной смерти! Меня волнуют судьбы не только раненых солдат, но и женщин. Роды – великое испытание, однако они не должны заканчиваться смертью матери. У меня есть кое-какие мысли насчёт того, как предотвратить угрожающие жизни кровотечения и хотя бы вдвое уменьшить возникающую при родах боль.

– Однажды я испытаю на себе твои изобретения, – улыбнулась я, тронутая его неравнодушием к нелёгкой женской доле.

– Я благословлю тот день, когда стану отцом. Не могу вообразить большего счастья, чем сын, – признался он.

– А если родится девочка?

– Хм... Что ж, буду рад ей не меньше, чем мальчику, – ненадолго задумавшись, ответил Нестор. – Но сына вы мне непременно родите, княгиня. Нам нужен наследник.

– Как скажете, князь, – тихо засмеялась я.

Закончив с последней стопкой книг, мы покинули лабораторию. Нестор запер её на два оборота.

– В этой комнате не должны бывать посторонние, Юля, – прочитав в моих глазах вопрос, пояснил он. – Ключ я всегда буду носить с собой, а дубликат надёжно спрячу.

После недолгой вечерней прогулки и вкусного ужина мы составили список гостей. Мой любимый не стал устраивать большое торжество. Он пригласил на день рождения только близких друзей, мою маму, Варфоломея и Варю Гавриловых. Засим мы с Нестором поднялись наверх и начали готовиться ко сну.

– Ты, наверное, очень устал сегодня, – предположила я, глядя на него из-за ширмы, за которой Татьяна ловко расшнуровывала мой корсет. – Всё-таки первый день на службе. Это очень волнительно.

– Небольшое волнение было, не спорю, – расстёгивая на ходу ворот рубашки, согласился мой любимый. – Но вся усталость исчезла, стоило мне вновь увидеть вас, сударыня. Вы пробудили во мне совсем иные чувства!

– Нестор! – застеснявшись служанки, остановила его я, и он задёрнул шторы на окне.

Татьяна ушла. Мой муж закрыл за нею на щеколду дверь, а после погасил в комнате все свечи, кроме тех трёх, что горели на моей прикроватной тумбочке. Сидя на краю постели в одной сорочке, я расчёсывала перед сном волосы.

– Князь, отчего вы так глядите на меня? – спросила я, смутившись от его лукавого взгляда.

– Любуюсь. Разве это запрещается? – загадочно улыбнулся Нестор и тихо опустился на свою половину кровати. – Кстати ты уже выбрала платье к Рождеству?

– Да, – ответила я и взяла с тумбочки модный журнал, который заложила на нужной странице. – Вот это пышное, изумрудного цвета. Мне очень нравится драпировка на подоле. И кружева... Такие красивые! Нестор! Ты меня слышишь?

– Отменный выбор, мадам, – ответил он, по-прежнему не сводя с меня глаз.

– Вы даже не взглянули на платье, князь, – не удержавшись, засмеялась я. – Я понимаю, что вам это малоинтересно, но всё же....

Он не слышал моих слов. Он смотрел на меня, точно странник, очарованный живописным, захватывающим дух горным пейзажем. В комнате воцарилась таинственная тишина.

– Скажи мне: отчего ты так прекрасна? – внезапно произнёс Нестор. – Такая естественная, простоволосая, босая, но красивее всех?

– Я не знаю. Быть может, оттого, что ты любишь меня? – предположила я.

– Больше всего на свете, – его мелодичный бархатный голос стал пленительным и вкрадчивым. – Больше жизни!

Модный журнал выскользнул из моих рук. Прошелестев по краю кровати, он приземлился на ковёр. Я попыталась что-то сказать, но не смогла: горящие глаза молодого князя лишили меня дара речи.

– Забудем обо всём, кроме любви, – прошептал он в дюйме от моего лица, которое нетерпеливо и страстно согрел долгим поцелуем.

Веки мои отяжелели и доверчиво сомкнулись. Руки сами собой обвили вокруг его широких плеч. И только три свечи, горящие в загадочном сумраке ночи, стали свидетелями сказочных минут, которые мы с Нестором провели наедине, занятые тем, что должно быть скрыто от посторонних глаз и доступно очам одного лишь Господа Бога.

Наутро Нестор опять ушёл на службу до моего пробуждения. Сквозь сон я с тихой радостью почувствовала, как любимый осторожно пригладил мои волосы и подарил мне поцелуй на прощание.

Пунктуальная и ответственная Татьяна вновь разбудила меня с помощью звонкого колокольчика, а потом помогла поскорее умыться и одеться, дабы успеть позавтракать к началу учебных занятий.

После завтрака принесли почту, в том числе и пакет с медальоном, который я припрятала в свой ящик с веерами, украшениями и перчатками. Мне не хотелось, чтобы Нестор раньше срока обнаружил подарок и лишил себя приятного сюрприза в день именин.

Сосредоточиться во время занятий было трудно. Головокружительно-яркие воспоминания о минувшей ночи и праздные мысли о дне рождения Нестора отвлекали от учёбы. Лишь ко второму уроку мне удалось взять себя в руки.

Возвратился Нестор в то же время, что и вчера. Обедали мы снова вместе и у камина. Благодаря хорошим дровам, он стал давать намного больше тепла.

Мой любимый помнил о том, что ещё вчера решил помочь мне освоить самый трудный для меня предмет. Остаток дня мы общались на французском языке. Этот опыт показался нам обоим полезным и интересным, а мне – ещё и безумно романтичным. Время от времени Нестор поправлял меня. Он делал это настолько тактично и вежливо, что я не обижалась на него, тем более, каждая произнесённая им фраза на этом языке звучала как красивое признание в любви.

Этот день накануне праздника прошёл так же легко и безоблачно, как и предыдущий. Посетив вечернюю службу, мы возвратились домой со спокойствием и ощущением божьей благодати на душе. Все наши тревоги отступили, а трудности показались сущими пустяками.

Девятого ноября Татьяна растолкала меня полвосьмого утра. Будить себя с помощью колокольчика я в этот день запретила. Мне не хотелось тревожить Нестора, который сладко спал.

– Доброе утро, барыня! – улыбнулся мне в верхней гостиной Ананий.

– Доброе утро. Ты не знаешь, что хозяин любит на завтрак? – спросила я.

– Ведомо, что любит. Блины с липовым мёдом обожает. У Гавриловых, как медвежонок, мёд банками лопал!

– Тогда вели Ефросинье приготовить блины, пока Нестор не проснулся! – распорядилась я. – Я сама принесу ему завтрак.

– Как скажешь, барыня. Одна нога здесь, другая там! – сказал Ананий и помчался вниз, а я направилась в соседнюю комнату, чтобы привести себя в порядок.

Из мебели здесь стоял лишь небольшой угловой столик и два мягких стула. Всякий раз, заглядывая в эту необжитую комнату, я чувствовала особенный трепет. Ведь она, согласно плану Нестора, однажды станет детской для нашего сына или красавицы-доченьки.

– Как ты думаешь, Таня: Нестору понравится мой подарок? – показав служанке медальон, взволнованно спросила я. – Не бойся, возьми, посмотри!

Татьяна приоткрыла медальон и, увидев мой портрет, с улыбкой закивала.

– Я тоже надеюсь, что понравится, – сказала я и убрала украшение в подарочную коробочку, перевязанную атласной синей лентой.

Таня вновь закивала. Когда мы закончили с умыванием, она нарядила меня в шёлковое розовое платье – то самое, что было на мне в день знакомства с князем Юсуповым. Волосы я заколола гребнем, украшенным розовыми мирточками.

– Дело сделано, барыня! – появившись на пороге с подносом, доложил Ананий. – Вот вам и кофий, и мёд, и блины. Отнести лишь осталось....

– Уже всё готово? – не веря своим глазам, спросила я. – Как Ефросинья справилась так быстро?

– Так я ещё вчера Фроське наказал на завтрак блинчиков напечь. День-то нынче какой.... Барин наш, Нестор Виссарионович – именинник!

– Какой же ты молодец! – похвалила его я и приняла из его рук поднос.

– Что уж там, барыня, невелика заслуга! Ступай к нему: наверняка уж проснулся. А я Хавроньке скажу, чтобы в доме прибрала. Гости как-никак пожалуют.

– Ты читаешь мои мысли, Ананий, – рассмеялась я. – Ну всё, мне уже не терпится поздравить его!

Озорной мальчуган отворил передо мною дверь в спальню, где почивал мой любимый. Я надеялась, что мне удастся дойти до кровати бесшумно и разбудить Нестора поцелуем. Однако звук закрывающейся двери потревожил его. Открыв глаза, он увидел меня посреди комнаты с подносом.

– С добрым утром, радость моя! – поприветствовал меня молодой князь. – Зачем ты встала так рано? Занятий у тебя сегодня нет!

– С добрым утром! И с днём рождения тебя! – сказала я в ответ и поставила на тумбочку Нестора поднос. – Я принесла тебе завтрак, как это когда-то сделал ты.

В эту минуту мне казалось, что мой муж тотчас же приступит к еде, однако мой праздничный наряд заинтересовал его намного больше.

– Вам так идёт это платье, княгиня, – коснувшись моего пышного подола пудрово-розового цвета, заметил он.

– Как? Вы всё-таки замечаете их, князь? – засмеялась я, вспомнив недавний случай с журналом, и уселась на край незастеленной кровати.

Моя нелепая шутка не обидела его. Наши уста смежил нежный поцелуй.

– Полно, князь, – мягко остановила его я. – Лучше посмотрите, что я принесла вам!

– Заварные блины? М-м-м... Да ещё и с мёдом! Вот так сюрприз, сударыня! – подняв фарфоровую крышку с принесённого мною блюда, приятно удивился мой муж и принялся за любимое лакомство. – Пойдите, но откуда вам известна эта моя детская слабость? А впрочем, я знаю, кто выдал меня.

– Не сердись на него. Он очень добрый, отважный и смыслённый мальчуган! – вспомнив своё чудесное спасение из лап Чёрного князя, попросила я.

– Мне тоже нравится Ананий. Оттого я и взял его в Петербург, – запивая блинчик горячим кофе, улыбнулся он. – Ты тоже угощайся, милая. Наверняка ещё не ела с утра!

– Ты прав, – не скрыла я.

Лакомясь заварными блинами и беззаботно болтая с любимым, я едва не забыла подарить свой скромный подарок.

– Вы что-то прячете за спиной, сударыня, – заметил Нестор. – Меня ждёт ещё один сюрприз?

– Да, – улыбнулась я и преподнесла молодому князю коробочку с медальоном. – Это мой маленький подарок тебе. Я хочу, чтобы ты знал: я горжусь тобой. Ты очень умный, благородный, честный и добрый человек. Не только верный и отзывчивый друг, но и самый любящий и заботливый муж. Я счастлива, что стала твоей законной женой!

– Какая тонкая работа! – открыв медальон, произнёс именинник. – Живописец постарался на славу! Благодарю тебя, душа моя. Я всегда буду носить его с собой.

Гости были приглашены к трём часам пополудни, но уже в одиннадцать Пантелей доложил о прибытии первой посетительницы:

– Графиня Нина Алексеевна Романова пожаловали-с, – отчеканил лакей, и я поспешила в нижний этаж, дабы радушно встретить самого родного человека.

– Мама! – не удержавшись, воскликнула я.

– Юлия! Неужели это ты?! – увидев меня, восторженно прошептала она, и я, как маленькая девочка, бросилась к ней в объятия.

Я улыбалась и едва не смеялась от счастья, хотя в глазах стояли слёзы. Мне не верилось, что мы с мамой не виделись всего несколько дней: столько впечатлений накопилось за это время, которое я прожила в Петербурге с молодым князем Вяземским.

– Как ты похорошела, милая моя... Как повзрослела, как расцвела! – засыпала меня комплиментами она. – Просто цветочек лазоревый!

– Спасибо. Садовник у меня хороший, – смущённо улыбнулась я, принимая из маминых рук тяжёлую корзину с деревенскими гостинцами и передавая её Пантелею. – Как же славно, что вы приехали! Пойдёмте скорее в гостиную, к камину: там очень тепло!

– Садовник молодой ещё, но, видимо, и впрямь хороший. Да и оранжерея просто царская! Какие комнаты просторные! А потолки высокие какие! – запрокинув голову, не скрывая восхищения мама. – Ну, расскажи, как вы живёте. Не ругаетесь?

– Живём замечательно, как я и мечтала. Нестор служит в Академии наук. Я продолжаю занятия с учителями. Вечерами мы гуляем вместе, после прогулки вкусно ужинаем, а потом... – я запнулась и почувствовала, что мои щёки начинают гореть, как небосвод на закате. – Он любит меня! Я чувствую это всякую секунду, когда он рядом. Он очень добрый, заботливый и щедрый. Я так счастлива и благодарна вам за благословение!

– Береги его, милая, – нежно обняв меня, сказала она, и нотки грусти зазвучали в её тихом голосе. – Как зеницу ока береги. Говорила об этом, но ещё десять раз повторюсь. Где же именинник? Мне уже не терпится увидеть его!

Я не успела ответить на мамин вопрос: в гостиной появился мой муж.

– Прошу прощения, графиня. Я заканчивал эксперимент, когда Пантелей доложил о вашем приезде, – поприветствовав тещу, повинулся Нестор. – Как самочувствие, Нина Алексеевна? Не беспокоит ли вас что-нибудь?

– Что беспокоит меня может, когда моя дочь в таких надёжных руках? Сердечно поздравляю вас, дорогой князь! Желаю здоровья богатырского, долголетия, счастья бескрайнего, любви взаимной неугасимой и прочих христианских благ!

– Mercі, madame, – поблагодарил тещу мой любимый и обходительно поцеловал ей руку. – Всего того же я желаю и вам.

– Теперь подарок, – улыбнулась мама и достала из свёртка, который держала в руках, старинную, украшенную драгоценными камнями вещицу. – Сей портсигар принадлежал Александру Николаевичу Романову – Юлиному отцу. Десять лет назад он погиб на поле боя. Александр получил портсигар в подарок от отца, его отец – от деда, дед – от прадеда, а прадед, если верить старой легенде, – от самого государя императора.

– От Петра Великого? – уточнил Нестор.

– Да-да, именно так, – закивала мама в ответ. – Господь не послал мне сыновей, но послал моей доченьке прекрасного мужа, которому можно передать семейную реликвию. Примите этот портсигар в подарок, Нестор. Александр всегда брал эту вещь с собой: на дуэли, в военные походы. В последнюю кампанию взять позабыл и не вернулся. Так и остался дома его талисман.

– Почту за честь стать хозяином этой вещицы. Благодарю вас, Нина Алексеевна, – улыбнулся Нестор и, заметив, что глаза тещи полны слёз, обнял её. – Не плачьте, графиня. Поверьте: счастье ещё впереди. Вы молоды и хороши собою. Признайтесь: ведь к вам сватаются и по сей день!

– Сватаются старики одни, – грустно улыбнувшись в ответ, отмахнулась мама. – У тех, кто помоложе, не женитьба на уме, а только пакости!

– А вы бы присмотрелись, мадам, к ним внимательнее. Может, кто-то не так уж и плох.

– Ох, Нестор, не смущайте меня. Где это видано, чтобы мать после дочери венчалась? Да и такого человека, каким был Александр, мне никогда не найти. Отчего ты так на нас смотришь, Юлия?

– Я люблюсь вами. Как славно, что вы полюбили друг друга! – не скрывая умиления, призналась я. – Раньше мне казалось, что вы никогда не найдёте общий язык. Услышал Господь мои молитвы. Вы оба рядом, мои самые близкие люди. ... Я так счастлива!

– А что это мы до сих пор за пустым столом сидим? Пантелей! – крикнул Нестор и позвонил в колокольчик.

– Чего изволите-с? – спросил лакей.

– Принеси-ка нам чаю, любезный, – распорядился молодой князь. – А после сбегай на кухню и посмотри, начала ли Ефросинья готовить праздничный обед.

– Слушаю-с, – ответил слуга.

После тёплой душевной беседы за чаем Нестор предложил теще пройтись по дому. Мама с большим интересом посмотрела все комнаты, начиная со спален и гостиных и заканчивая людскими и кладовыми. И планировка, и интерьеры ей очень понравились.

– А я последовала вашему совету, князь, и начала ремонт мансарды. Сделаю там ещё одну спальню, – поделилась с нами мама. – А в комнате, где Юлия жила девицей, поставлю большую кровать. Вы сможете ночевать там вдвоём, когда будете приезжать ко мне в гости.

– Бог в помощь, графиня, – улыбнулся Нестор, и я прочла в его загоревшихся глазах воспоминание о том волшебном дне, когда мама, наконец, благословила нас на брак.

– Мама, а как поживает Груня? Ведь она нашлась? – спросила я, и мама вмиг помрачнела.

– Ох, Юлия... Не хотела я говорить тебе об этом, медовый месяц твой дёгтем разбавлять. Ладно, коли ты спросила, расскажу, – тяжело вздохнула она. – Сгинула она. Отправила я мужиков на поиски. Два дня они по лесам и полям Груньку искали, а на третий платок её в чаще нашли, весь кровью забрызганный. То ли медведь, то ли волк её, сердешную, задрал. Да только тело так и не обнаружили.

– Голодный зверь был, видно, раз даже костей не оставил, – угрюмо сказал Нестор. – Помню служанку Юли, хорошая девушка была. Царствие ей небесное!

– Нет... Быть этого не может! Нет! – не веря своим ушам, воскликнула я, и слёзы покапались из моих глаз.

– Юлия! Немедля успокойся! – окликнула меня мама, но я уже в голос рыдала на плече любимого, не в силах совладать со своими чувствами.

– Поплачь, родная, тебе станет легче. Поплачь, – усадив меня на диван у камина и усевшись рядом, сказал молодой князь.

Он попросил Пантелея принести для меня стакан воды.

– Она была влюблена в тебя, Нестор. Она была так несчастна! Господи, за что ты так рано оборвал её жизнь?! – содрогаясь от рыданий, сетовала я.

Мой муж терпеливо утешал меня в нежных объятиях и как маленькую девочку гладил по голове. Насилу успокоившись, я умылась прохладной водой и привела себя в порядок. Скорбь по Груне по-прежнему терзала и заставляла мучиться чувством вины, однако я взяла себя в руки, дабы не омрачать праздник любимому.

К трём часам прибыли друзья Нестора. Только Гавриловых мы так и не дождались.

– Твой отец, наверно, страшно разозлился и жестоко наказал их, – предположила я, представив грозную расправу Чёрного князя с непокорными крестьянами. – Ведь они были свидетелями на нашем венчании!

– Юля, не накручивай себя, – попытался успокоить меня любимый. – Может, Варваре просто нездоровится. Не забывай, она в положении. Ну а Варфоломей просто не захотел ехать без неё, оставлять её и детей надолго одних.

– Да, наверно, ты прав, – согласилась я, отгоняя дурные предчувствия.

Лишь поздним вечером мы поняли, насколько заблуждаемся. Праздничный стол был уже наполовину осилен, большая часть красного вина и шампанского выпита, а бисквитный торт разрезан, когда лакей обратился к хозяину, дабы передать ему почту.

– Прошу прощения. Вам письмо, ваше сиятельство, – сказал Пантелей.

– Как? Ещё одно поздравление? – весело произнёс Нестор.

– Извольте-с, – подавая желтоватый конверт на маленьком серебряном подносе, сказал лакей, и молодой князь взял в руки очередное послание.

– От кого оно, Нестор? – спросила я, заметив, что мой любимый переменялся в лице и немного побледнел.

С его губ не слетело ни слова. Он безмолвно передал мне нераспечатанный конверт, на котором чётко значилось имя отправителя – князь Виссарион Афанасьевич Вяземский.

Глава 3. Чёрное возмездие

– Прочтёшь? – негромко спросила я.

– Да, непременно, – забирая письмо из моих рук, ответил Нестор так тихо, чтобы никто из гостей нас не услышал. – Только не здесь и не сейчас.

– Кто тебе пишет, приятель? – полюбопытствовал Георгий и прочитал имя отправителя. – А, батька о тебе вспомнил!

– Да. Наверно, поздравляет с днём рожденья, – мастерски изображая спокойствие и безмятежность, сказал Нестор и встал из-за праздничного стола. – Прошу прощения. Мы с Юленькой покинем вас ненадолго.

На втором этаже, в уютной спальне никто уже не мог помешать нам. Закрыв дверь на щеколду, мы уселись на маленький диванчик, что стоял рядом со шкафом-гардеробом в нашей спальне.

– Мне так страшно! – призналась я, содрогаясь от догадок о том, что мог написать нам этот бессердечный полусумасшедший тиран.

– Не бойся ничего. Иди ко мне, – ласково прошептал мой любимый.

Послушно прильнув к его плечу, я с волнением наблюдала за тем, как он осторожно вскрывает конверт. В руках у Нестора оказалось написанное крупным, отрывисто-небрежным почерком письмо. Послание Виссариона содержало следующее:

«Здравствуй, мой несравненный, бесподобный и единственный сын! Пишу, дабы поздравить тебя с днём рождения и пожелать тебе отменного здоровья, ясности ума, неувядающей славы и несметного богатства, ибо только в них истинное счастье. Дарю тебе село Чернёново, а с ним девяноста семь крестьянских душ. Покупку дома в Петербурге одобряю: ты уже не малое дитя, можешь отделиться и жить самостоятельно.

Только не надейся разделить наследство со своей жалкой дворняжкой, ибо дни несчастной давно уже сочтены. Я мог бы прикончить девку и раньше. Я не стал этого делать, дабы ты успел совратить её и вдоволь наиграться с нею. Теперь не вижу смысла щадить её. Ровно в полночь сердечку Юленьки Романовой суждено остановиться, а нежным ручкам – навек ооченеть, так что поспеши, коли желаешь напоследок поразвлечься с нею.

Та же участь ждёт и других девиц, с которыми ты в будущем захочешь обвенчаться: неделька голубиногo счастья с тобою и внезапная скоропостижная смерть. Крепко задумайся, драгоценный мой, стоит ли противиться судьбе и воротить нос от Марго Оболенской.

Твой отец, князь В. А. Вяземский»

Мой разум помутился. Страшные строчки прыгали и расплывались перед глазами, которые ничего уже толком не видели из-за завесы слёз.

– Юля, радость моя, что с тобой? – услышала я, и мой язык словно бы онемел, отказываясь произносить диктуемые разумом слова. – Это всё неправда. Неправда! Ты слышишь меня?

Остолбенение прошло, однако гнетущее чувство того, что мой трагический конец уже близок, осталось. Подняв растерянные и испуганные глаза на любимого, я принялась нежно гладить его по плечам дрожащими руками и сбивчиво раскаиваться во всём, чем когда-то могла его обидеть.

– Прости меня, Нестор, за холодность, строптивость, за детские капризы. . . Умоляю: прости. И прощай! – я не выдержала, и слёзы побежали по моим щекам.

Закрыв лицо руками, я упёрлась локтями в колени и уже второй раз за этот день разрыдалась. Мне казалось, что натравленная на меня Чёрным князем смерть уже стоит за моею спиной и, с нетерпением ожидая полуночи, точит свою беспощадную косу. Вот только Нестор то ли не верил, то ли не хотел верить в мою скорую погибель.

– Юля, ты не умрёшь! – принялся убеждать меня он. – Мы теперь одно существо, одна душа! Если бы тебе грозила смертельная опасность, я бы чувствовал это! Да и перстень, твой оберег с темпузорием! Пока он на тебе, никто не сможет лишить тебя жизни!

– Ты утешаешь меня. Не хочешь делать адом последние три часа моей жизни, – мой голос дрожал, а в горле было горько от слёз. – Я знала, что он этого так не оставит, не закроет глаза на наше венчание, что скоро наступит наша последняя ночь!

– Да нет же! Юля, я готов поклясться тебе в том! Скажи, кому ты скорее поверишь: больному на всю голову злодею или мне, твоему мужу, человеку, который всем сердцем любит тебя?

– Тебе, конечно, тебе! – без колебаний ответила я, но страх перед пророчеством Чёрного князя не отступал.

– Тогда вытри слёзы. Он только и добивается их! Я выйду к гостям и скажу, что тебе нездоровится. Готовься ко сну, – велел мне он и осушил на прощание мои щёки нежными поцелуями.

– Хорошо. Только, пожалуйста, скорее возвращайся! Мне страшно оставаться одной.

– Сейчас придёт Татьяна. Я позову её, – мой муж покинул спальню и отправился вниз, где по-прежнему сидели за столом приглашённые на именины гости.

Через минуту ко мне пришла служанка. Я сменила корсетное праздничное платье на свободную ночную сорочку и попросила Таню посидеть со мною до тех пор, пока не вернётся Нестор.

– Отчего ты не ложишься? – спросил Нестор через четверть часа, застав меня за туалетным столиком напротив зеркала. – Я вижу, что ты устала.

– Мне страшно. Что если я усну и больше не проснусь?! – тихо призналась я, а после уселась рядом с ним на кровать. – Поговори со мной, пожалуйста. Расскажи что-нибудь, что угодно, только бы я не думала о смерти!

– Хорошо, – согласился Нестор. – Хочешь – я расскажу тебе, как мы будем жить через пять лет?

– Как интересно! Конечно, хочу, – забравшись под одеяло, ответила я и заслушалась, пленённая стройной речью и мягким мелодичным голосом любимого.

– Представь: скалистый южный берег, утопающий в буйной сочной зелени, огромное закатное светило, целующее землю горячими лучами, необъятное и тёплое ласковое море. Морские волны с шумом набегают, пенятся и облизывают прибрежную гальку и чистый песок. На берегу два плетёных кресла, уютно устроившись в которых, мы провожаем летний день. Наш маленький сын кидает камешки в воду и смеётся, а ты смотришь на него и едва не плачешь от умиления. Говоришь, что он невероятно похож на меня и что с годами это сходство всё заметнее. Проходит час – и палящее солнце закатывается за горизонт. Мы отправляемся домой. Наш дом с большими французскими окнами и застеклённой верандой почти на самом берегу. Вокруг него растут персики, хурма и виноград. Мы отдыхаем в этом доме каждый год и уезжаем оттуда полные здоровья и сил, которых с лихвою хватит до следующего лета.

– Нестор, неужели так и будет? Ты, я, наш сын, дом на море.... Это похоже на сказку! А Варфоломей и Варя? – вдруг отчего-то спросила я. – Что с ними будет пять лет спустя?

– Варфоломей и Варя? – переспросил Нестор и, нахмурившись, ненадолго призадумался. – Странно, через пять лет я не вижу их вместе. Бог знает почему.

– Но они так любят друг друга! У них трое замечательных детей, а скоро будет уже и четверо. Неужели они расстанутся? Что может их разлучить?

– Я не могу сказать тебе этого, Юля. Картина слишком мутна. А впрочем, я могу ошибаться, – пробормотал мой супруг, и я взяла его карманные часы, которые всё это время лежали на прикроватной тумбе.

Стрелки показывали без четверти двенадцать. Осознание того, что мне осталось жить пятнадцать минут, заставило отречься от всего земного и задуматься о вечном.

– Скоро двенадцать, Нестор. Обними и не отпускай меня, пожалуйста! Что бы ни случилось, до самого конца не отпускай! – из последних сил сдерживая слёзы, взмолилась я, и молодой князь, не говоря ни слова, заключил меня в крепкие объятия. – Теперь не отвлекай меня. Я хочу помолиться.

Смирившись со скорой безвременной кончиной, я начала читать молитвы, начиная с «Символа веры» и заканчивая молитвой Николаю Угоднику и Ангелу-хранителю. Вся жизнь пронеслась в эти минуты перед глазами. Казалось, кто-то быстро перелистал толстую книгу моих воспоминаний. Я словно вновь пережила два младенчества, два детства, два отрочества и необыкновенное путешествие во времени. Затем настал черёд для более свежих впечатлений. Возвращение в восемнадцатый век, встреча с ожившим Нестором, опасные приключения в поместье Чёрного князя, нелепая помолвка с Юсуповым, тяжёлая мамина болезнь, чудесное мамино выздоровление и, наконец, её долгожданное согласие на мой брак с Нестором – всё это произошло в голове всего за несколько мгновений.

Я вспомнила восхитительный обряд венчания, весёлое праздничное застолье и первую ночь с любимым в избушке, на берегу лесного озера. «Нестор!» – сорвалось в этот миг с моих губ. Неудержимые слёзы вновь обжигали мои закрытые глаза. Приезд в Петербург, новый дом на Фонтанке, четыре дня спокойствия и сладкой безмятежности – моя история подходила к концу.

Убеждённая во всеилии Виссариона, я уже не надеялась на спасение, но случилось настоящее чудо.

– Уже десять минут первого, Юля, – сказал Нестор, и я застыла, глядя на него во все глаза, словно только что очнулась от болезненного сновидения. – Полночь давно наступила. Довольно бояться и изводить себя чудовищными мыслями. Ложись и засыпай!

– Как десять минут первого? – недоумённо спросила я. – Значит, я не умру?

– Я же говорил тебе! Говорил, что ничего дурного не случится! Ты уйдёшь из жизни старенькой бабушкой. Хотя нет. Даже прабабушкой. Ты точно проживёшь на свете восемьдесят лет.

Услышав это, я почувствовала огромное облегчение. Словно бы гигантская глыба свалилась с моих плеч. Сердце вновь начало биться во всю силу, наполненное верой, надеждой и любовью.

– Юля, наслаждайся этой дивной ночью, этой прекрасной ускользящей минутой. Мы вместе, мы одна семья. Сам Господь благословил нас быть вдвоём. Что ещё тебе нужно для счастья?

– Ты прав. Больше ничего не нужно, – согласилась я, и мой взгляд упал на послание Виссариона, которое по-прежнему лежало на прикроватной тумбе Нестора. – И всё-таки... Зачем? Зачем он написал это ужасное письмо?

– Письмо? – мой любимый решительно разорвал исписанный лист бумаги сначала пополам, а потом в клочья, которые выбросил на пол. – Вот и всё! Нет больше никакого письма. Спи спокойно и не думай ни о чём. Пока я рядом, никто не тронет тебя.

– Ты бесстрашный, – покачав головой, не скривив своего восхищения я. – Отчего я не могу быть такой же смелой?

– Оттого, что ты юная хрупкая женщина, – он как маленькую девочку уложил меня на подушку и укрыл одеялом. – Спокойной ночи, Юля!

– Спокойной ночи, Нестор! – пожелала я, и поцелуй любимого вновь зажгёт счастливую улыбку на моих устах.

Нежно поцеловав молодого князя в ответ, я уснула. Теперь ничто на свете не было мне страшно в его тёплых объятиях.

Эта ночь не преподнесла нам более неприятных сюрпризов. Пока мы спали, мы были спокойны и счастливы в своём неведении и в своей отстранённости от чудовищных событий, которые происходили за много вёрст от Петербурга, в родовом имении Вяземских.

Тотчас после нашего пробуждения Пантелей подал на серебряном подносыке ещё одно письмо.

– Юля, я должен сейчас же ехать в поместье, – едва распечатав послание, решительно произнёс мой муж, и меня посетило тревожное предчувствие.

– Что случилось? – шурясь от яркого утреннего света, сонно пробормотала я и откинула тёплое одеяло. – Для чего такая срочность?

Вместо ответа молодой князь протянул слегка помятый листочек бумаги, исписанный крупными и кривоватыми печатными буквами. «Молю: приезжайте в имение, барин. Злодей утащил Варю в подземелье и грозитя убить её. Ваш верный слуга Варфоломей», – прочитала я и ужаснулась.

– Это месть.... – не сомневаясь ни секунды, заключила я. – Месть за наше венчание! Господи, что теперь делать?

– В первую очередь – не паниковать раньше времени, – не растерявшись, ответил Нестор. – Если бы он хотел убить Варю, он сделал бы это немедленно, а не стал похищать её.

– Может быть, он сделал это для того, чтобы ты приехал? – предположила я. – Что если он взбесился от злости и захотел убить тебя?

– Нет. Отец никогда не убьёт меня, Юля. Да, он ненавидит всё светлое и доброе во мне, но любит меня сумасшедшей патологической любовью. Я его единственный сын. Даже если отец захочет убить меня, у него ничего не выйдет. С Варей всё иначе. Она может серьёзно пострадать. Я должен непременно поехать туда и во всём разобраться.

– Я поеду с тобой! – не сомневаясь, озвучила я своё решение и вскочила с постели.

– Нет, Юля. Это может быть опасно. Ты останешься здесь.

– Но с тобой мне будет намного спокойнее, чем в одиночестве, Нестор! Я не буду так сильно волноваться за тебя.

– Ты напрасно боишься за меня, – продолжил неустанно уверять меня он. – Лучше подумай о себе, о своей безопасности....

– Нестор, пожалуйста, ради всего святого не оставляй меня одну! – взмолилась я, нежно приобняв его за плечи и пытливо заглянув в его глаза. – Я твоя жена. Я должна быть с тобою и в горе, и в радости!

– Хорошо. Я возьму тебя с собой, – согласился мой муж, и у меня отлегло от сердца. – Только будь добра, собирайся скорее.

– Бедная Варя.... Она же носит под сердцем ребёнка!

– Юля, только обещай мне, что, что бы ни случилось, ты не будешь плакать!

– Обещаю, – сказала я.

Позавтракав вместе с мамой омлетом и гренками, мы проводили её, а после сами начали собираться в путь. Не желая лишней раз волновать дорогую гостью, мы не рассказали ей ни о вчерашнем послании Чёрного князя, ни о сегодняшнем письме Варфоломея.

Перед отъездом Нестор написал записку в Академию наук, сочтя необходимым уведомить коллег о том, что ввиду чрезвычайных обстоятельств он не появится на службе три дня. Мои занятия с учителями тоже пришлось отменить.

– Передай эти письма по назначению, Пантелей, и накажи Ефросинье собрать нам продуктов в дорогу, – распорядился мой супруг. – Мы с Юлией Александровной отбываем в имение моего отца. Оставляю тебя за старшего. Так что будь добр, следи за порядком в доме.

– Слушаю, барин, как прикажете-с, – ответил Пантелей.

Собрав всё необходимое для поездки, мы отправились в путь. На улице уже было позимнему холодно, однако новая шубка не давала мне замёрзнуть, как и горячий кофе с молоком, который мы взяли в дорогу.

– Странно: я со вчерашнего утра не видел Анания, – сказал Нестор, когда наш экипаж тронулся, и копыта подкованных лошадей зазвенели по обледеневшей за ночь мостовой. – Куда подевался этот малец?

– Я тоже видела его в последний раз вчера. Он помогал мне с завтраком для тебя, – призналась я. – Неужели он сбежал?

– Нет, сбежать он не мог. Тебе же известна его преданность нам.

– Тогда, может быть, он отлучился по важному делу?

– Возможно. Хотя в этом случае следует отпроситься у хозяина.

– А может, если его похитили? Люди Чёрного князя могли это сделать. Ведь Ананий тоже был на нашем венчании!

– Юля, не драматизируй, – прервал полёт моей фантазии Нестор. – Отец не станет мстить всем нашим гостям. Я уверен, что мальчишка здоров и невредим.

– Я буду очень рада, если это окажется правдой. Но как же Варя? – спросила я, и лицо молодого князя перестало быть весёлым. – Нестор, ты же знаешь, что с нею будет! Отчего ты не хочешь сказать мне? Неужели всё настолько страшно?

– Мы делаем всё возможное, радость моя, – спустя минуту мрачного молчания произнёс мой муж. – Если на то будет воля Господа Бога, то мои опасения не сбудутся.

– Господи, спаси и сохрани рабу твою Варвару, – прошептала я, перекрестившись на купола незнакомого храма, мимо которого мы проезжали, и послышался мелодичный, ласкающий слух колокольный звон. – Ты помнишь, как мы были счастливы, когда выходили на улицу после венчания?

– Конечно, помню. Я нёс тебя на руках, а гости осыпали нас монетками, пшеном и лепестками, – сказал он и, вынув мою левую руку из муфты, поцеловал её. – Мы заберём Гавриловых к себе. Как ты на это смотришь? Варфоломей займёт место второго лакея. Пантелей будет рад приезду брата.

– Прекрасная мысль! – одобрила идею молодого князя я. – Я только что сама хотела это предложить! Ведь ты тоже скучаешь по своему старшему другу.

– Что верно, то верно, – не стал отрицать мой любимый.

Необъяснимая печальная тень по-прежнему лежала на его благородном и задумчивом, слегка порозовевшем от ноябрьского холода лице...

Широка наша русская земля, и длинные бороздят её во всех направлениях дороги. Глядя из окна закрытой зимней повозки, я видела маленькие, бесхитростные, очень похожие друг на друга деревеньки, в которых размеренно и просто текла полная забот о хлебе насущном крестьянская жизнь.

Пустые поля, чередуясь с густыми хвойными лесами, простирались до самого горизонта, и только изредка можно было заметить одинокую несжатую бороздку. Давно был уже бережно собран, засыпан в амбары и заперт в кладовые скудный северный урожай. Наступало время зимних забот: собирания хвороста и заготовки дров, прядения и шитья, ухода за скотиной, а также множества других бытовых дел, о существовании которых, пользуясь готовыми благами, не привыкло задумываться дворянское сословие.

– Ты знаешь, у меня была глупая привычка в детстве, – погрузился в воспоминания мой любимый. – Я оставлял на тарелке хлебные корки. Не доедал пшеничный, белый хлеб, который крестьяне в рот по праздникам берут. Однажды Варфоломей заметил это и подробно рассказал мне, сколько приходится трудиться человеку, дабы превратить маленькое зёрнышко в пористую душистую мякоть... Но ничего не понял я тогда. В гостях у них стал для приличия всё доедать, а дома делал как раньше. Прошли годы, сам не заметил, как вырос. Отправился,

одержимый жадой подвигов, офицером в действующую армию. И знаешь, там, на войне, до меня за пару недель дошло всё то, что я годами дома у себя понять не мог. Обратно, можно сказать, другим человеком пришёл. Сам себя узнавать перестал. Да и другие тоже. Однако и это всё не так существенно в сравнении с тем, как сильно переменяла меня ты.

– Переменяла? Надеюсь, к лучшему? – улыбнулась я.

– Конечно, к лучшему. Я бесконечно благодарен Богу за то, что он послал мне тебя, – признался Нестор.

Ласковое прикосновение его ладони к моей щеке, лёгкий поворот моей головы – и поцелуй, такой пламенный, что у меня захватило дух.....

– Чистая девочка моя... Мой ангел нежный, – шептали его уста, порхая у моих щёк и согревая их неровным жарким дыханием. – До встречи с тобой я и вовсе не знал, что это такое – любить. Вся моя жизнь была словно тёмная ночь. Ты озарила её, как яркое солнце, и она уже не станет прежней....

Слушая его с замиранием сердца и безмолвно наслаждаясь его поцелуями, я на несколько минут позабыла обо всём. Только внезапная остановка повозки вернула меня с небес на землю, заставив не на шутку испугаться.

– Отчего лошади встали? Неужели разбойники? – пробормотала я, боясь выглянуть в окно.

– Что такое? Почему остановились? – приоткрыв дверцу экипажа, спросил у извозчика мой любимый.

– Постоялый двор. Как вы приказывали, барин, – послышался ответ.

– Выходите, княгиня, – улыбнулся Нестор и, покинув зимнюю повозку первым, подал мне руку.

Выйдя из экипажа, я осмотрелась и увидела неподалёку крепкий двухэтажный терем. Над входом красовалась вывеска: «Гостевые номера Овсова. Милости просим на постой и на обед!». Постоялый двор не отличался ни привычной для благородного сословия чистотой, ни красотой и уютом. Тем не менее, я была рада возможности отогреться у печи и перекусить.

– Здравствуйте, вашество. Чего изволите-с? – немного картаво любопытствовал стоявший за тумбою у входа мужик.

– Здравствуй, любезный, – сказал в ответ мой супруг и положил на тумбу приличного номинала ассигнацию. – Организуй-ка нам с супругой хороший обед. Дам ещё и на водку, коли на свежие и вкусные блюда скупиться не будешь.

– Сию минуту, вашество. Эй, Дунька! – окликнул хозяин кого-то, удалившись за занавеску, за которой, очевидно, находилась кухня.

– Чего тебе, Парамон? – лениво отозвалась собеседница.

– Есть у нас похлёбка свежая?

– Вот, уха скоро сварится! – прозвучал ответ. – Но там ещё недельных щей с полведра. Девать куда-то надо их, а то выливать уж впору!

– Ну ты и дура, баба! Говорю ей про свежее, а она всё своё! Не видишь – господа богатые приехали? Вон какую деньгу за обед отвалили! Ещё и на водку дать обещали.

– А тебе лишь бы нализаться, старый хряк! – проворчала Дуня. – Ну ладно, ладно, свежей налью! Всё говорил: «Дело открою – заживём тогда!» А от дела твоего убытку больше, чем прибыли. Ни денег, ни продуктов, ни покою нет. То один приехал, то другой... Куда они только едут?! Сидели бы по домам у печки!

– Ну, хватит, разбухтелась! Без дела этого ты бы ни новых сарафанов, ни пряников не видала! Наливай похлёбку, не жалея! Солений наших положи и пироги слоёные достань. Уж за вчерашние, поди, ругаться не будут!

– А кто их знает, господ-то твоих? Может, они князья какие! – предположила крестьянка, и мы с Нестором улыбнулись друг другу.

– Весело они живут, не правда ли? – отодвинув для меня стул за одним из четырёх простых деревянных столов, сказал мой супруг.

– Да уж, – произнесла я. – Совсем не так, как мы.

Хозяин постоянного двора поставил перед нами две миски с горячей свежей ухой, а также ещё две тарелки: одну с хлебом, другую с домашними соленьями.

– Приятного аппетита, душа моя, – пожелал мне молодой князь.

– Приятного аппетита, – сказала я и принялась за уху, которая оказалась довольно вкусной.

– Сейчас ещё слоёные пироги и компот принесу. Сию минуту-с! – пообещал Парамон и снова скрылся за занавеской.

– Слышал, как он её зовёт? А ты всё «дура»! – упрекнула Дуня мужа.

– Так мы-то не они, – ответил тот. – Это у них, у благородных, привычка пальцы гнуть, словечки говорить жеманные. Лебезят да расшаркиваются друг перед другом почём зря, а нашего брата и за человека не считают....

– У барыни вон шуба какая. А ты бы мне хоть, старый, заячью купил!

– А ты не завидуй. Ишь, губу раскатала! – рассердился Парамон. – Она ему, может, двоих сыночек родила! Вот он и купил ей....

– Да где там родила?! Она худая, как тростинка! Они, чай, только неделю назад поженились!

– Ну, ты зато как пять таких тростинок, а всё не забрюхатишь никак!

– Пьёшь ты много, вот Бог детей и не даёт, – буркнула Дуня.

– Это я-то? Да ты видала, как мужики иные пьют?! – воскликнул Парамон.

– А вот и десерт к нам пожаловал, – улыбнулся Нестор, когда хозяин поставил на стол два стакана и глубокую вазочку со вчерашней выпечкой.

– Кто, вашество? Как это вы меня величать изволили-с?

– Да нет, любезный, я не о тебе. Десерт – это слово французского происхождения. Так называют сладкое блюдо, – разъяснил Нестор.

– Ишь ты! Десерт, понимаешь! Придумают же господа! Всю жизнь в простом народе пирогами называли, – пробубнил себе под нос хозяин.

– Мило вы общаетесь с супругой, – усмехнулся Нестор. – Мы не подслушивали, просто с кухни слышно хорошо.

– Да вы не слушайте её, – махнул рукою хозяин постоянного двора. – Дура она, барин.

– Сам дурак! – высунувшись из-за занавески, обиженно крикнула крестьянка. – Говорила, чтобы дверь между кухней и горницей повесил! И то бы позору меньше было!

– Времени у меня нет, занят я, – сказал в оправдание Парамон и взял для пущей важности со стоящей у входа тумбы какую-то помятую бумажку.

– Да что ты, прямо титулярный советник занятой! – фыркнула супруга. – Зато есть время по соседкам бегать. Вот скажи: чего ты вечером вчера у Глашки Митрошкиной делал?

– Ничего, – зайдя опять к жене на кухню, ответил Парамон. – Полати чинить приходил....

– Вот врёшь и не краснеешь! – проворчала Дуня. – Полати он ходит соседкам чинит. Голову бы лучше себе починил, чтобы работала правильно!

Всё время, пока мы ели, Парамон и Дуня ссорились и выясняли, кто из них прав. Наконец, наши тарелки с супом опустели, а за ними – и вазочка с пирогами, начинкой которых было яблочное повидло. Ощущение приятной тяжести в желудке немного успокоило меня, хотя тревога за Гавриловых по-прежнему не давала мне думать ни о чём другом. Я полагала, что сходные чувства испытывает в эти минуты и Нестор, однако, как ни странно, всё оказалось иначе.

– Отчего ты так смотришь на меня? – смущённо спросила я, допивая компот. – Со мною что-то не так?

– Отнюдь. Ты выглядишь просто замечательно. Быть может, мы снимем комнату и отдохнём часок-другой? – загадочно улыбнулся мой любимый, и взгляд его горящих глаз упал на деревянную лестницу, ведущую на второй этаж, где, очевидно, находилось несколько номеров для постояльцев.

– Зачем же? – спросила я, недоумеваю от сего странного предложения и всё ещё не понимая откровенного намёка. – Ведь не время ещё ложиться спать.

– Ты права, но я хотел бы... Побывать наедине с тобою, – признался Нестор и ласково коснулся моей лежащей на столе руки.

– Наедине? – переспросила я. – А разве в повозке нам кто-то мешает?

– Никто не мешает, – ответил мой муж и, осторожно приподняв мою руку, принялся страстно целовать мои пальцы. – Но согласитесь, княгиня, в экипаже не вполне удобно... Говорить о любви.

В эту минуту всё прояснилось для меня. Я поняла, что сейчас больше всего волнует моего мужа. Обострившаяся тоска по любовным утехам – вот что затмило для него все горести и беды близких людей. Чего-чего, а этого я от него никак не ожидала.

– Боже мой! Нестор, о чём ты? – едва не поперхнувшись остатком пирога, воскликнула я. – Нам нужно скорее ехать в поместье и спасать Варю! О какой любви может быть речь?

– Но у нас медовый месяц, Юля, – попытался возразить мне он.

– Ты бесчувственный! – не выдержав, выпалила я и отняла у него свою руку. – Оставайся здесь и валяйся в постели сколько хочешь! Я поеду одна!

Я вскочила из-за стола и побежала к выходу из ночлежки. Нестор, не теряя ни единого мгновения, ринулся за мною.

– Родная, стой! – окликнул меня он, и мы остановились на крыльце. – Видит Бог, я не хотел тебя обидеть! Я лишь хотел немного отвлечь тебя!

– Ты не переменяйся, Нестор! – разочарованно заключила я, не поворачиваясь к нему и не поднимая глаз. – Ты думаешь только о себе и о своих прихотях! Ты можешь не говорить мне ничего: я сама уже обо всём догадалась!

– Помилуй, душа моя... О чём?

– О том, что спасать уже некого! О том, что Варя давно умерла! – повернувшись к нему, выкрикнула я в ответ и испугалась своих слов.

«Она жива, любовь моя! Она проживёт долгую и счастливую жизнь! Всё будет хорошо!» – таких или подобных слов ждала я тогда. Однако мой муж не произнёс их ни в эту минуту, ни в последующие два часа, в течение которых в экипаже царило молчание.

– Прости меня, Юля, – наконец, рассеял тишину его голос. – Прости меня, пожалуйста. Я напрасно дал волю своим чувствам. Мне следует быть сдержаннее.

Сомнение не посетило меня ни на миг. Мне уже и самой стало стыдно за отвратительную сцену, которую я устроила после обеда.

– Скажи мне правду, Нестор, – попросила я. – Пусть она будет горькой... Ведь всё равно рано или поздно я узнаю её!

– Хорошо, я скажу тебе правду, – шумно выдохнув, произнёс мой муж. – Вчера вечером я не видел Варвару среди живых. Повторюсь, я могу ошибаться, Юля.

– Не утешай меня, – перебила его я уже безо всякой злобы. – И всё равно я буду надеяться, Нестор. Пока мы не приедем... До самого конца!

– Надежда всегда умирает последней, – согласился он. – Когда я был на войне, я тоже не мог поверить в смерть своего товарища до тех пор, пока мне не показали его бездыханное тело. Но прошу тебя, Юля, будь готова ко всему.

На этом я временно успокоилась. Мне даже удалось отвлечься и занять себя обсуждением с любимым чужих сельскохозяйственных угодий. Нестор рассказывал мне, чьи владения мы проезжаем и вслух рассуждал о том, хорошо ли помещик ведёт своё хозяйство.

Стемнело по осеннему обыкновению рано. Стало заметно холоднее, и я уже ничуть не пожалела, что отправилась в дорогу в тёплой зимней шубе.

– А вот и село Чернёново наше, – грустно улыбнулся мой любимый, глядя на тусклые огоньки окошек, замаячившие на горизонте среди окрестной непроглядной тьмы. – Не хотел я принимать этот подарок от отца, но решил не гневить Господа Бога.

– Ты принял мудрое решение, Нестор, – сказала я. – Прости, я наговорила тебе много глупостей. Я знаю: я твоя жена, и ты имеешь на меня полное право. Но пойми меня правильно. Я сейчас в таком состоянии, что еле сдерживаю слёзы...

– Я понимаю, Юля. Я же чувствую, как тебе тяжело. Ведь ты ещё ребёнок, – с умилением произнёс мой муж. – Ты вышла за меня, однако в душе осталась скромной и ранимой девочкой. В этом нет ничего дурного. Ты нравишься мне именно такая, и я не пожелал бы что-либо в тебе поменять. Но и ты пойми меня. Мне не безразлична судьба Варфоломея и Вари. Просто я привык держать переживания глубоко внутри, не показывать их.

Мы прибыли в имение Чёрного князя поздним вечером, почти ночью. И каково же было наше удивление, когда у конюшни нас встретил Ананий!

– Ах, вот ты где! – едва завидев его, воскликнул Нестор. – Значит, сбежать удумал! Ну, готовься, пострел, я тебе уши надеру!

– Да ведь я не из дурного умысла, барин! – принялся оправдываться мальчуган.

Однако мы уже не смотрели на него: наше внимание привлёк укутанный в худые тулупчики и старые шали народ, который толпился у флигеля Гавриловых.

Около дома Варфоломея и Варвары творилось что-то неладное. Даже на расстоянии я слышала громкий и заунывный женский плач.

– Что там такое? – хмурясь, спросил мой любимый у Анания.

– Беда случилась, барин... – ответил тот. – А тебе, барыня, и вовсе лучше не видеть!

– Неужели он это всё-таки сделал?! – не веря в Варину погибель, пролепетала я.

– Напрасно я взял тебя с собою, – произнёс Нестор, и мы, крепко обнявшись, направились к сборищу крестьян.

– Разойдитесь! Дайте дорогу! Барин идёт! – смутно слышала я крик сопровождающего нас Анания.

Толпа расступилась, и зрелище, открывшееся нам, словно выбило почву из-под моих ног. Бурая запёкшаяся кровь, почерневшие внутренности и человеческие кости и каким-то чудом уцелевшая женская коса – я видела всё это лишь одно мгновение. Потом все ночные краски разом померкли, и передо мною ступила непроницаемая темнота.

– Юля! Юленька! Очнись, душа моя! – услышала я взволнованный голос молодого князя Вяземского и с трудом приоткрыла глаза. – Что ты стоишь, Ананий? Принеси воды!

– Не надо воды, – слабым голосом сказала я и, проморгавшись, поняла, что лежу на одной из скамеек приусадебного парка, а подушку мне заменяет колено любимого.

– Не смотри туда, милая! – запретил Нестор, и я покорно отвернулась от флигеля, в который Ананий всё-таки побежал за водой.

– Это Варя? – еле дыша, спросила я, и мой муж безмолвно кивнул. – Господи, какое горе! Да чтобы он сам сгорел в аду, изверг!

– Пей, барыня! – достиг моего слуха голос Анания, и белая чашка ударилась о мои зубы.

– Объясни мне, что здесь случилось! Как она погибла? – спросил Нестор.

– Что же тут объяснять? Твой сумасшедший отец, как лютый зверь, убил её! – сделав несколько глотков воды, воскликнула я и залилась слезами. – Убил беременную женщину безо всякой жалости!

– Нет, барыня, всё было не так, – неожиданно возразил Ананий.

– А как же? – рыдая, изумлённо спросила я.

– Ведь мой отец похитил её! – разделил моё крайнее удивление Нестор.

– Да, похитил Варю и в самом деле Чёрный князь, однако он не убивал её, – ответил юный конюх. – Её убил Варфоломей.

Глава 4. Жертвы

– Что за вздор ты несёшь? Совсем разум потерял? – в глазах Нестора сверкнула зарница ярости. – Варфоломей любил свою жену! Он никогда не поднимал на неё руку!

– Не горячись так, барин. Не знаешь ведь всего. Барыне отдохнуть бы, чаю горячего попить. Пойдёмте в дом, и я всё расскажу, – сказал Ананий. – Не беспокойтесь. Старого чёрта дома нет.

– Где же он? – нахмурил брови Нестор.

– Чудное дело, барин. Жуткие твари из преисподней к нему прошлой ночью явились, и он, все дела бросив, с ними в подземелье ушёл, – сказал юный конюх. – Как замороженный за ними побежал. Кричали ему, спрашивали, куда он и надолго ли.

– И что же он ответил?

– Что сам великий сатана призвал его к себе, чтобы наградить за верную службу.

– Что ж, тогда мы можем зайти. Только нужно убрать тело покойной с улицы, – сказал Нестор.

Я содрогнулась от мысли о том, что Варя по-прежнему лежит на земле неподалёку от флигеля Гавриловых.

– Вон мужики гроб ташат, барин, – махнув рукой в сторону деревни, сказал Ананий. – Зараз переложат.

– Да, действительно. Постой-ка, а где Варфоломей? – вспомнил о несчастном вдовце Нестор.

– Дома он. Да в таком виде непотребном, что барыне его лучше не показывать.

– В таком случае иди к нему сейчас же! Нельзя оставлять его одного! – распорядился Нестор, а после достал из внутреннего кармана несколько ассигнаций. – Передай эти деньги родственникам Вари. Скажи, что это на погребение и на поминки.

Взяв деньги, юный конюх направился было к усадьбе.

– Я тоже пойду к Варфоломею, – сказала я. – Попробую утешить его, найти нужные слова.

– Юля, не нужно, – удержал меня Нестор. – Когда мужчина очень пьян, он не осознаёт, что делает и говорит. Ты и без того натерпелась. Лучше я отведу тебя домой и уложу спать!

На дворе была уже ночь. Яркие краски октября померкли, и теперь, бесснежной, холодной поздней осенью огромная усадьба Чёрного князя выглядела ещё более устрашающей.

У парадного входа нас встретил лакей по имени Фёдор и дюжина людей в длинных чёрных одеждах с глубокими капюшонами.

– Здравствуйте, ваше сиятельство, – с поклоном произнёс Фёдор.

– Здравствуй. Будь так любезен, подготовь мою спальню. И пришли для моей жены толковую служанку, – сказал Нестор. – Только не Арину!

– Понял, ваше сиятельство. Разрешите идти исполнять-с?

– Да, ступай, – отпустил слугу молодой князь, а после обратился к немым истуканам, облачённым в чёрные одеяния. – Хозяина вашего нет. Марш в людскую, чтобы глаза мои вас тут не видели!

– Ах-ах-ах! Женился-таки на своей бесприданнице-голодранке! – послышался вдруг отвратительный скрипучий голос из-под одного из капюшонов, и перед нами появилось безобразное лицо Поликарпа. – Посмотрим, долго ли эта бедолажка протянет теперь!

– Проваливай отсюда, тебе сказано, – не повысив голос, повторил мой муж. – И шакалов своих заberi. Нечего им здесь толпиться.

– За мной, братья тьмы! – скомандовал вновь надевший капюшон Поликарп, и люди в чёрных одеяниях молча удалились.

Просторная и уютная спальня Нестора встретила нас горящими канделябрами, чистым постельным бельём и вазой свежих фруктов на небольшом столике, за которым всего несколько недель назад я впервые обедала после возвращения в родной восемнадцатый век. Тогда ещё была жива и здорова моя служанка и близкая подруга Агриппина. Воспоминания о погибшей в лапах лесного зверя молодой крестьянке вновь наполнили моё сердце печалью.

– Доброй ночи. Что вам угодно, ваше сиятельство? – спросила появившаяся на пороге незнакомая служанка.

– Доброй ночи, Агафья. Помоги княгине подготовиться ко сну, – распорядился Нестор.

– Да, ваше сиятельство, – кивнула та.

После Агафьи в спальню заглянул Фёдор, дабы осведомиться, не нужно ли что-то ещё. Нестор велел лакею разбудить нас в восемь утра, и мы остались наедине.

– Почему наш брак приносит людям столько горя? – опустившись на край кровати, принялась сетовать я, – Сначала Груня, потом Варя. Варфоломей овдовел, дети остались сиротами! Сколько ещё людей поплатится за наше счастье? Недаром говорят, что нельзя венчаться без родительского благословения. Вот Бог и наказал нас.

– Да, мы сурово наказаны. Но неужели ты жалеешь, Юля? – спросил он, и я осеклась, вспомнив те безумно счастливые минуты, когда мир превращался для нас двоих в невесомые райские облака. – Неужели, если бы была возможность возвратиться в прошлое, ты бы сбежала из-под венца?

– Нет. Как ты мог подумать об этом? Мне не было бы жизни без тебя. Я бы не смогла выйти за другого!

– Тогда не говори так. Лучше выпей это, – Нестор протянул мне хрустальный стаканчик. – Это снотворное. Я тоже выпью его. Завтра будет трудный день. Нам нужно отдохнуть.

Я исполнила просьбу, и травяной отвар очень скоро унёс нас с любимым в таинственную долину сновидений.

– Доброе утро, милая. Как тебе спалось? – спросил наутро Нестор.

– Доброе утро, – прошептала я спростонья и улыбнулась в ответ на его лёгкий поцелуй.

Однако уже в следующее мгновение улыбка сбежала с моего лица. Я вспомнила, как увидела вчера у флигеля Варины останки. К моему горлу подступила тошнота, а глаза защищало от подступающих слёз.

– Мы здесь! Всё-таки здесь! Господи, так надеялась, что это был страшный сон! – уткнувшись лицом в подушку, с горечью воскликнула я.

– Будь мужественной, Юля, – строго сказал Нестор и ласково коснулся моего плеча. – Ты помнишь, что ты мне пообещала?

– Да, – ответила я и встала с постели.

В дверь постучали. Появившийся на пороге Пантелей объявил, что часы пробили ровно восемь утра. Следом за ним вошли Агафья и Ананий.

– Доброе утро, хозяйева. Встали уже? Я вам тут на завтрак состряпал кое-что, – юный слуга опустил на столик поднос с нехитрым угощением. – Строго не судите, старался как мог.

– Кашу принёс? Превосходно. А как Варфоломей? – спросил Нестор.

– Ой, не спрашивайте, барин. Прихожу я вчера к нему, значит, а он вешаться вздумал, – рассказал Ананий, и я содрогнулась.

– Вешаться? – изумлённо переспросил Нестор.

– Господи, какой кошмар! – слетело с моих губ.

– Не бойся, барыня: спасли его, – поспешил утешить Ананий. – Пьяный он был – вот и затеял себя порешить. Я собственноручно из петли его вытащил и верёвку в печку выбросил. Потом открыл окно и соседей кликнул. Сбежались мужики и к кровати его привязали, чтобы больше дел таких не творил. До утра сидели над ним. То один, то другой.

– Одеваться изволите, барыня? – взяв моё вчерашнее платье, отвлекла меня Агафья.

– Да, только не в это, – ответила я. – Я хочу надеть траурное платье.

– Я знаю, где его найти, – сказал Нестор и направился к выходу из спальни.

Минут через десять он вернулся со свёрнутым чёрным нарядом в руках.

– Примерь, – произнёс мой любимый. – Это платье моей покойной матери.

– Спасибо, – поблагодарила я любимого и удалилась со служанкой за ширму.

Старое платье Елизаветы Апраксиной-Вяземской пришлось мне впору. Тонкие чёрные кружева на длинных рукавах, чёрные атласные ленты, неглубокое декольте и строгий покрой длинного подола – всё это как нельзя лучше подходило для того, чтобы проводить близкого человека в последний путь.

Мы с Нестором сели завтракать. Я не могла даже смотреть на еду. Один вид её вызывал у меня необъяснимую тошноту. Сделав несколько глотков травяного чая и не притронувшись к тарелке с кашей, я задумалась о том, где сейчас дети Варфоломея и Вари.

– Юля, отчего ты не ешь? – с беспокойством спросил Нестор.

– Не знаю. Я что-то не хочу, – опустив глаза, призналась я.

– Та-а-ак, это ещё что за новости, барыня? А ну-ка ешь! – велел Ананий. – Вон худенькая какая! Того и гляди ветром унесёт.

– Юля, я настаиваю, – серьёзно произнёс мой муж.

– Нестор, у меня кусок не лезет в горло! – с горечью призналась я. – Варя словно до сих пор лежит у меня перед глазами!

– Я понимаю. Но и ты пойми: я не могу допустить того, чтобы ты голодала! – сказал Нестор. – Сегодня в полдень похороны Вари. Ты же не хочешь упасть в обморок в церкви или на кладбище. Нужно поесть. Хотя бы чуть-чуть!

– Хорошо, я попробую, – взяв ложку, кивнула я, но осилить всю тарелку в это утро так и не смогла.

– Юля, тебя тошнит? – спросил мой супруг.

От него было почти невозможно что-то скрыть.

– Да, немного, – потупившись, сконфуженно пробормотала я.

– Сделай барыне чашку мятного чая, – велел Нестор Ананию. – А потом о вчерашнем расскажешь. Я должен знать обо всём, что случилось.

– Я мигом, барин! – ответил тот и убежал выполнять наказ хозяина.

Оставив завтрак, я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза, не в силах более скрывать от мужа и слуг своё дурное самочувствие.

– Зря я привёз тебя, душа моя, – вздохнул мой любимый, когда мы остались наедине. – Ты очень ранима. Ты не должна была этого видеть.

– Ты всё сделал правильно, Нестор. Это я во всём виновата! Не совладала с собой, не сдержала слёзы, – упрекнула себя я. – Ты, наверное, считаешь меня теперь инфантильной неженкой.

– Ну что ты, нет! Юля, мы уже говорили об этом! Ты у меня самая-самая! – он пылко потянулся устами к моему лицу.

– Не нужно, Нестор... Не сегодня. Я прошу тебя! – остановила его я.

– Хорошо, – в его голосе послышалась неумело скрытая досада. – Хотя, признаться, я не понимаю... Почему я не могу поцеловать свою жену?

– Нестор, Варя умерла! Ты понимаешь? Сегодня её заколотят в гробу, опустят в могилу и засыпят землёй! Варфоломей остался без жены, дети – без матери!

Молодой князь не успел ответить мне: Ананий вернулся в спальню с большой чашкой горячего мятного чая.

– Быстро ты управился! Каков молодец! – похвалил его Нестор. – Мы и глазом моргнуть не успели.

Поблагодарив шустрого мальчугана, я стала небольшими глотками прихлёбывать чай, и тошнота понемногу начала отступать.

– Ну что ж, садись и рассказывай, Ананий. Всё это промысел Марго, не так ли? – предположил Нестор.

– Слушайте, хозяйева, – начал Ананий. – Маргарита взбесилась от вести о вашей свадьбе и задумала наложить на Юлию проклятье. Для этого ведьме было необходимо приготовить очень мудрёное зелье. В числе прочего для этого варева требовалась.... Кхм.... Как бы сказать-то поприличнее?

– Не церемонься, говори как есть. Здесь все свои, – ответил мой супруг.

– Ну, словом, кровь ей позарез была нужна, и не какая-нибудь, а особенная. Поэтому чертовка и дождалась вашего венчания, а после утащила простыню, на которой вы с барыней спали в избушке. Она хотела окатить тебя, барин, этим зельем ровно в полночь, сразу после твоих именин. Тогда Юлия бы умерла. И не только она бы пострадала. Все девушки, на которых ты бы потом попытался жениться, повторили бы её участь. Ведьма хотела, чтобы у тебя не осталось выбора, барин, и ты приполз к ней вымаливать прощение.

– Какова змея! – покачав головой, произнёс Нестор. – Мы с Юлией уже поняли, что она опять что-то затевает против нас. Теперь мы знаем, что было у неё на уме. Что же помешало ей осуществить задуманное? И как это связано с убийством Варвары?

– Не гони лошадей, барин, и до этого скоро дойдём, – успокоил хозяина Ананий. – Чёрный князь похитил Варвару и утащил её в подземелье. Варфоломей написал вам об этом, но не смог сидеть сложа руки и дожидаться вашего приезда. Пробравшись в подземелье, Старик подслушал разговор Виссариона и Маргариты. Маргарита хвасталась, что её зелье готово, что осталось только применить его. Тогда старик понял, что Юлии грозит смертельная опасность. Он вошёл в соседнюю залу, схватил дымящийся котёл, однако вылить его содержимое не успел. Поликарп выстрелил из револьвера и ранил Варфоломея в руку. Старик выронил котелок, и зелье забрызгало ему руки. Ядовитое варево сработало: в этот же миг Варвара, которую Чёрный князь держал в клетке, испустила дух. Злодей расхохотался над тем, что Варфоломей убил свою жену. Он сказал, что хочет прилюдно сжечь её тело, чтобы другим неповадно было. В это время и нагрянули гости из преисподней. Виссарион заторопился и забыл о Варваре. Он велел прислужникам убить и детей Варфоломея, а сам отправился в подземелье. Я прибежал к флигелю Гавриловых и увидел, что в песочнице играет Алёнка. Я схватил девочку и пустился бежать во всю прыть.

– А как же Акулина, Федя? – спросила я. – Что стало с ними?

– Ты держи себя в руках только, барыня. Их я спасти не успел, – с горечью произнёс Ананий.

– Что? Их убили?! Акулина и Федя мертвы? Какой кошмар! – срывающимся голосом закричала я, и кровь моя закипела от гнева на моего возмутительно спокойного мужа. – Но ты же знал об этом, Нестор! Наверняка ты знал обо всём! Почему ты не сказал мне? Почему не сделал ничего, чтобы спасти их?

Мой муж предпочёл проигнорировать эти вопросы.

– Ты поступил правильно, Ананий. Не кори себя: ты сделал всё, что мог. Где же девочка? – любопытствовал он.

– Я спрятал её в доме одной из Варвариных родственниц. Алёнка ещё ничего не знает, – последовал краткий ответ.

Я упала на лежащую у подлокотника подушку и безудержно зарыдала. Мне вдруг ярко и красочно представилось, как во флигель Гавриловых, где всегда царил покой и домашний уют, вламывается несколько высоких устрашающих фигур в тёмных одеждах. «Братья тьмы» медленно приближаются к окоченевшим от страха детям и одним точным ударом заставляют их бешено колотящиеся сердечки навек остановиться. Боль.... Нестерпимая, пронзительная,

жгучая. Миг-другой ещё вспыхивает для двух пар заплаканных детских глаз, подобно пламени догорающей свечи, божий свет, а после они навек застывают, ослеплённые торжествующей смертью. В моих ушах оглушительно звучал предсмертный детский крик. Крик, за которым может следовать лишь гробовое молчание.

«Акулина и Федя... Неужели вас больше нет? Господи, за что ты забрал их к себе так рано? Отчего отпустил одной только тринадцать, а другому только девять годков?» – мысленно сокрушалась я, а слёзы всё лились и лились из моих глаз.

Нестор попытался успокоить меня, но было бы лучше, если бы он этого не делал:

– Нет ничего ужаснее, чем хоронить детей. Но Юлия, милая моя, пойми: есть вещи, которые мы не в силах исправить! Мне тоже очень жаль Акулину и Федю, но время упущено. Мы ничем не сможем им помочь. Мы можем только молиться о том, чтобы Господь упокоил их души!

Его речь привела меня в настоящее бешенство. Я бы не удивилась, если бы такое сказал Варфоломей или другой крестьянин. Однако от своего мужа я подобного никак не ожидала.

– Нестор, ты ясновидящий, ты гений! – не выдержала я. – У тебя есть уникальный дар предвидения, дар убеждения! Тебе подвластно практически всё! Даже время! Неужели ты не мог защитить от Чёрного князя жену и детей своего самого близкого друга?!

– Юлия, умоляю: не стыди меня, – мрачно произнёс на это он. – Я сам едва не умираю от стыда. Да, я должен был разглядеть всё это в своих снах и видениях. Но видит Бог: я ничего этого не видел! Я не знаю, почему так случилось, но мой дар в последнее время, а именно после свадьбы стал часто подводить меня.

Его оправдания показались мне настолько неправдоподобными и жалкими, что все чувства в душе моей перевернулись подобно исполинскому ледяному айсбергу. Когда переворачивается айсберг, ослепительно-красивая, сверкающая белоснежная вершина его уходит на недостижимое дно, а наружу вылезает уродливая и бугристая ледяная глыба. Так и кристально-чистая любовь моя, утонув в бездонном океане горя, вытасила взамен себя на поверхность из самых недр существа моего неукротимую злобу и чёрную, разрушительную ненависть. И эти чувства овладели моим сердцем так стремительно и сильно, что я уже не могла избавиться от их власти над собою.

– Права была мама. Сила твоя не от Бога, а от дьявола, она не может нести ничего светлого. Она может нести только горе! Ты эгоист! Ты чёрствое чудовище, Нестор! – выкрикнула я. – Господи, если бы я знала наперёд, что всё это случится с Гавриловыми после нашей свадьбы, я бы ни за что...

– Ты бы не вышла за меня, да? – нахмурившись, завершил мою фразу Нестор, и я замолчала, осознав, что с «чудовищем» явно переборщила.

Однако пути назад уже не было. Жернова рокового механизма уже закрутились, и моё молчание лишь раззадорило моего мужа.

– Ну же, смелее, сударыня! Что же вы вдруг проглотили язык? Испугались? – спросил он так бестактно и вызывающе, что я просто не выдержала.

– Да! Я бы не вышла замуж ни за тебя, ни за кого-то ещё! Я бы скорее стала монахиней, чем допустила, чтобы из-за меня погибло столько ни в чём не повинных людей! – выпалила я, глядя прямо в его горящие от гнева глаза.

Я ожидала, что он повысит голос или даже ударит меня за сие откровение по лицу, однако всё оказалось ещё хуже. Фиолетовые очи Нестора погасли, а его речь стала ровной и тихой.

– Не думал, что ты способна бросаться такими неразумными словами, Юлия, – угрюмо произнёс он, и я почувствовала, как, лязгнув зубами, пробудился у меня внутри неумолимый хищный зверь по имени совет. – Сегодня ты очень разочаровала меня. Предлагая тебе руку и сердце, я думал, что ты уже готова к браку. Как же я заблуждался! Ты дитя, которому под стать играть в куклы!

– Но ты сам говорил, что полюбил меня именно такую, что не хотел бы что-то во мне изменить! – обиженно напомнила я. – Неужели ты лгал мне? Что ж, ты тоже очень разочаровал меня сегодня! Я считала тебя добрейшей души человеком! А теперь... Мне кажется, что мой любимый муж тоже умер, а передо мной стоит молодой Виссарион!

– Полно, барин! – вмешался в наш разговор Ананий. – Ты же видишь, что она не в себе! Мой муж как-то грустно и страшно улыбнулся, а после произнёс слова, которые ранили меня в самое сердце:

– Как глупо... А ведь я всё это время думал, что ты любила меня.

– Но я любила тебя! – пытаюсь вытащить из сердца ядовитую стрелу, возразила я. – Почему ты усомнился в этом?

– Ты любила не меня, Юля, – всё с тою же улыбкой сказал он. – Ты любила образ святого с моим лицом. Образ, который сама же придумала!

– Это не так! – разозлившись, повысила голос я.

– Это так, Юля. Ты не смогла принять меня таким, каков я есть на самом деле! С моим тёмным происхождением и с моей тёмной силой.

– Да нет же! Нестор, почему ты мне не веришь? – вскочив с дивана, закричала я, но вдруг поняла, что отстаивать свою точку зрения уже бесполезно. – А впрочем, довольно с меня унижений. Не будем продолжать этот ужасный разговор! Оставь меня. Оставьте оба. Уйдите с глаз моих! Я никого не желаю видеть!

– Что ж, не стану докучать тебе своим присутствием, коли оно стало так неприятно для тебя, – сказал мой супруг, а после обратился к Ананию. – Пойдём к Варфоломею.

– И у тебя хватит духа теперь посмотреть ему в глаза?! – не выдержав, выкрикнула я. Нестор словно не услышал моего укоризненного возгласа.

– Мы зайдём за вами перед похоронами, сударыня. Надеюсь, к тому времени вы успокоитесь и перестанете дышать на меня ядом, – сказал на прощание мой супруг так равнодушно, словно я была ему чужой, а после скрылся за дверью.

Повалившись на край кровати, я уткнулась зарёванным лицом в подушку и не заметила оставшегося со мною в комнате юного конюха.

– Да не плачь ты, Юлия. Всё образуется! – коснувшись моего плеча, подбодрил меня Ананий. – Он же, как и ты, просто вспылит! Он не со зла!

– Я ненавижу его! – сорвалось с моих покривившихся губ мерзкое признание.

– Ой, да ладно тебе! В жизни не поверю! – махнул рукою мой собеседник. – Как вы «ненавидите» друг друга, по ночам всему дому слышно. Когда только спать успеваете, не знаю.

– Мал ты ещё, не понимаешь ничего, – сконфуженно пробубнила я, не поворачиваясь к наглому мальчишке, однако в глубине души с досадой осознала, что он прав.

Да, я любила молодого князя Вяземского, любила так сильно, что порою едва не сходила от этого чувства с ума. Я продолжала любить его и сейчас, даже больше, чем прежде, когда он виделся мне в девичьих грёзах безупречным и всемогущим. Однако взыгравшая гордость и глубокая, нестерпимо саднящая рана недавнего лишения сбивали меня с праведного пути, начало которому положил в храме венчальный белый рушник, расстеленный под нашими с Нестором ногами.

– Ананий, ты идёшь? – прервал нашу беседу строгий голос моего нетерпеливого мужа. – Я, кажется, велел тебе следовать за мной!

– Иду, иду! – ответил юный конюх и побежал следом за молодым хозяином.

Я осталась наедине с мучительными мыслями о прошлом, настоящем и будущем, и взгляд мой случайно упал на обручальное кольцо. «Сними его, пока оно не приросло к тебе навек! – зашипел кто-то в моей голове. – Верни все подарки! Не нужно тебе от него ничего! И сам он такой тебе тоже не нужен!»

Однако словно ангел-хранитель опустился ко мне на плечо. Я вспомнила чудесную минуту, когда Нестор впервые надел мне на палец это кольцо перед ликами всех святых и очами самого Господа Бога.

«О каких глупостях я думаю, Боже! – устыдилась своих мыслей я. – Князь Вяземский теперь мой муж, а я его жена. Телом и душою мы одно неделимое целое. Даже если мы разъедемся по разным концам света, мы останемся связанными навек неразрывной нитью. Даже после смерти наши души будут вместе. Да, он оказался не совсем таким человеком, каким я его представляла, но его ли в этом вина? Я по своей воле дала этому мужчине клятву, никто не принуждал меня. Теперь мой христианский долг – смириться и нести этот крест: быть ему верной и любящей женой, рожать и воспитывать его детей... Но, Боже мой, как смириться? Как смириться с тем, что он стал таким? Господи, помоги мне! Умерь мою гордыню, остуди мой гнев, наставь меня на истинный путь!»

Призвав на помощь высшие силы, я почувствовала непреодолимую тягу ко сну и ненадолго задремала. Не прошло и двух часов, как Нестор возвратился.

– Юля, нам пора идти, – появившись в дверях, мрачно произнёс мой муж. – К похоронам всё готово, ждут только нас.

– Хорошо, – сказала я, торопливо поправила перед зеркалом причёску и последовала за ним, чтобы проводить Варю, Акульку и Феденьку в последний путь.

Всю дорогу я боялась посмотреть Нестору в глаза – мне было страшно не увидеть в них той безусловной любви и трепетной нежности, с которыми он смотрел на меня прежде и с которыми, как я наивно полагала, он будет смотреть на меня всегда. До самого флигеля мы не обмолвились больше ни словом.

Глава 5. Разрыв

Около дома Гавриловых толпился бедно одетый крестьянский народ. Всё село пришло в последний раз взглянуть на Варвару Гаврилову и её погибших детей. Старики тяжело вздыхали и качали седыми головами, а после угрюмо глядели в землю, прикидывая, сколько кому осталось до смертного часа. Женщины плакали, вспоминая добродетели соседки. «Какая кроткая и смиренная была! Какая добрая! А как детишек любила! Что своих, что чужих! Всех приласкает, всех приголубит да пирожком угостит. Готовила диво как вкусно! И дома ни соринки, красота, чистота! Как же муж без неё теперь? Где хозяйшку такую найдёт?» – слышалось отовсюду.

– Здравствуйте, любезные, – поприветствовал Нестор двух мужиков, спустившихся с крыльца. – Как Варфоломей?

– Здравствуйте, барин. Совсем он, горемычный, разум потерял, – вздохнул один из крестьян. – На похороны идти не хочет. «Все у меня живы, никто не умер», – говорит.

– Скверно. Что ж, пускай будет дома. Пусть жена и дети останутся в его памяти живыми. Только оставьте кого-то за ним присмотреть, – сказал мой супруг, и я мысленно согласилась с ним. – Готовьте две телеги: одну для Варвары, другую для детей. Не станем медлить. Дурное это дело – под вечер хоронить.

Мужики откланялись и стали запрягать лошадей. Я по-прежнему косилась в сторону, не решаясь ни взглянуть на мужа, ни что-либо сказать ему.

– Ирод треклятый! Деток малых ни за что, ни про что загубил! – вдруг донёсся до нас ворчливый голос укутанной в тёмно-синий платок крестьянки.

– Тихо, Авдотья! Барин молодой с женою тут! – попыталась одёрнуть её собеседница.

– Говорила я Варфоломейке: «Зря ты змеёныша на груди пригрел, отольётся дружба эта горькими слезами». Не слушал. Вот и расплата пришла. Бог-то всё видит, – продолжила недовольно кудахтать Авдотья.

Она обмерла от стыда и разинула рот от испуга и недоумения, когда молодой хозяин положил руку на её плечо.

– Не судила бы ты других, милейшая. Глядишь, и самой бы полегчало, да и дети болеть бы перестали, – назидательно произнёс мой супруг.

Моё появление на похоронах и мой богатый наряд тоже стали причиной бурных обсуждений. «Ишь, как вырядилась! Ты погляди-ка, погляди! Словно бы на бал в свой Петембурх! – судачили обо мне, глядя, как я подбираю полы чёрного платья. – Девчонка ещё, а уж в царской шубе ходит!». «В постели, небось, угодила – вот и подарил!» – заключил уже другой немолодой завистливый голосок. «Так ведь она жена ему законная! Они в церкви венчались!» – стал кто-то защищать меня. «Ну да, ну да! – хором осмеяли заступницу соседки. – Это тебе Манефа наболтала? Не верь ей, дуре, она из ума выжила совсем! Старый князь бы в жизни сыну своему обвенчаться не дал. Зараз бы венчание в отпеванье для невесты превратил. Вот вам крест истинный – она его любовница!»

Зажав от отвращения уши, я с трудом протиснулась сквозь толпу крестьян туда, где стоял Варварин гроб.

– Ох, девонька ты наша, Варварушка-а-а! На кого ж ты нас оставила-а-а? Как мы без тебя будем, осиротившие-е-е? – завывая, по старинной традиции причитали над гробом покойной дряхленькие, согнувшиеся в три погибели старушки в чёрных платках.

– Прости, Варюша, если что было не так. Прости и прощай, – тихо и угрюмо сказал Нестор, опёршись рукою на крышку гроба. – Ты мне как мать вторая была. Даст Бог, теперь свидишься с любимой хозяйкой своею в раю. Мужа твоего не оставлю – обещаю. И о дочке младшей позабочусь. Царствие тебе небесное!

– Прости нас, Варенька, – не скрывая слёз, еле вымолвила я, когда настала моя очередь подойти к закрытому гробу. – Мы тебя никогда не забудем!

Гроб Варвары давно заколотили. Тела Акулины и Феди были накрыты саванами до подбородка. Ноги мои подкосились, стоило мне увидеть два белых, как нехоженный снег, безжизненно вытянутых личика. Простившись с матерью, мы отправились к детям, и тут я уже не смогла держать себя в руках. Упав на колени, я закрыла лицо руками и зарыдала в голос.

– Барыня, барыня! – бросилась поднимать меня какая-то сердобольная старушка. – Встаньте, милая! Так ведь и шубку испачкать недолго. Небось, огромных денег стоит!

– Да пропади она пропадом! – в отчаянии воскликнула я. – Всё пропади, только пусть они живут! Ни дома в Петербурге, ни богатств всех этих – ничего не надо!

– Тише, Юлия, тише, – появившись из ниоткуда, произнёс Ананий и протянул мне платочек, который я по рассеянности забыла. – Полно плакать. Слезами горю не поможешь!

– Это мы виноваты. Только мы, понимаешь?! – не в силах успокоиться, продолжила сокрушаться я. – Мы опоздали, не успели их спасти!

– Полно, Юлия. Им ничуть не легче от твоих сожалений. Иди лучше к барину, рядышком постой, – сказал Ананий, и я последовала его совету.

Нестор заканчивал прощаться с детьми. Я не слышала начала его речи, но отчётливо разобрала несколько последних фраз.

– Прощайте и вы, ангелочки безвинные. Нет мне прощения за то, что я вас не уберёг! Сладких снов, Акулина и Фёдя. Пусть земля будет пухом! – он поцеловал девочку и мальчика в лоб и ласково пригладил светлые Акулькины волосы.

– Нестор! – позабыв на миг обо всех обидах и размолвках, позвала его я, когда он вдруг резко отвернулся и обхватил руками голову.

Он не откликнулся. Молодой князь Вяземский словно бы не видел и не слышал меня, пребывая в каком-то сверхъестественном, оторванном от всей Вселенной состоянии. Состояние сие, продлившись несколько минут, оборвалось неестественно резко.

– Коли все попрощались, несите гробы на подводы! – строго и дерзко, как-то даже озлобленно крикнул Нестор зазевавшимся мужикам. – Стемнеет уж скоро, а нам отпевать ещё... Незачем время тянуть!

– Как скажете, ваше сиятельство, – сказал один из крестьян и немало удивился, когда хозяин сам решительно направился к Вариному гробу.

– Зачем же, вашество? Мы бы сами... – забормотал один из мужиков, однако Нестор заставил его замолчать одним пронзительным испепеляющим взглядом. – Хорошо, как вам угодно будет. Токмо не гневайтесь.

Мне удалось лишь на короткое мгновение поймать его взгляд, но и этого оказалось достаточно. Его бледные щёки были сухими: он не мог позволить себе проявление слабости. Однако огромные чернильные глаза Нестора блестели от слёз. В них холодным огнём горела такая неистовая злоба на самого себя, что мне стало стыдно за свои обвинения. «Я обозвала его бесчувственным, обвинила в эгоизме и в легкомыслии. Как я заблуждалась, Господи! – осознала я. – Да он сам живым бы лёг в могилу, если бы этим можно было что-то исправить!»

– Вы поедете в экипаже, – подойдя к Ананию, сказал Нестор. – На козлах будет Иван, а ты сопроводжай княгиню.

– Как скажешь, барин, – не стал перечить юный мальчуган.

– Видишь, как он заботится о тебе? – сказал Ананий, когда повозка тронулась и заколеса по просёлочной дороге в сторону сосняка, за которым приютилась деревянная, почерневшая от болотной сырости кладбищенская церквушка.

– Почему же он сам не поехал со мною? – задалась вопросом я и сама нашла ответ. – Я очень обидела его. Наговорила столько гадостей! Глупо ждать от него чего-то другого.

– Да всё у вас наладится, уверен. Дай только срок, – утешил юный конюх. – Юлия, потом всё как прежде будет!

– Нет, так, как прежде, никогда уже не будет. Я, наверное, всегда буду жить в страхе того, что из-за нас с Нестором кого-то убьют. К тому же, мне кажется, он никогда меня не простит!

За разговором мы и не заметили, как закрытый экипаж подъехал к старенькой церкви, купол которой одиноко серел на склоне заболоченного оврага. Нам пришлось подождать, ибо крестьяне шли пешком, по размытой осенними дождями и подмёрзшей за ночь лесной дороге. Нестор приехал на той же подводе, на которую погрузили гроб Варвары.

– Счастливая Варя, отпевать её будут и детишек тоже, – сказал один из мужиков. – Старый барин-то, сказывают, в самую преисподнюю спустился да там и остался! Никто, стало быть, наказывать не станет.

– Сказки всё. К соседям подался или в столицу уехал, – не поверил его приятель.

– Нет, Митрофан! Я сам видел, как его нечисть забрала. Незнамо, жив он там ещё али нет. Или уж Нестор Виссарионович таперича наш хозяин стал.

Отпевание длилось недолго. Я смотрела то на спящую вечным сном Акулину, то на разделившего жуткую участь сестры Федьку, и глаза мои не просыхали от слёз. Нестор стоял рядом, и я по-прежнему боялась встретиться с ним взглядом, только с грустью смотрела, как тает тонкая восковая свеча в его бледной руке.

Хоронили Варю и детей на сельском кладбище, которое являло собою самое жалкое и мрачное зрелище: усыпанные пожухшей листвою холмики могил без оград и почерневшие от непогоды, прогнившие, покосившиеся деревянные кресты. Дальние ряды крестов давно заросли бурьяном. Лишь кое-где на свежих могилах виднелись следы памяти живых о покойных: скромные букетики и веночки убитых морозом полевых цветов.

– Отчего на крестах нет табличек? – не подумав, спросила я.

– Это вы, барыня, читать, писать умеете. А люди-то простые не умеют. Вы посмотрите на них! – сказал юный конюх, и горечь наполнила моё сердце, стоило мне взглянуть на крепостных в потемневших изношенных лаптях, на их натруженные спины и мозолистые, огрубевшие от работы руки.

После поминального обеда мы с Нестором и Ананием отправились домой к Варвариной двоюродной сестре Авдотье, у которой находилась ни о чём не подозревающая Алёнка.

– Молчите оба, будто воды в рот набрали. Как дети малые! – шутливо упрекнул нас по дороге юный конюх. – Гордые оба, ну да Бог с вами! Посмотрим, надолго ли вас хватит!

– Полно читать хозяевам морали, – остановил его мой супруг и указал на приоткрытые ворота. – Скажи-ка лучше: этот дом?

– Он самый, – ответил Ананий и отворил перед нами скрипучую калитку.

В бедной и закопчённой избёнке нас встретила дряхлая, уже неходячая старушка-долгожительница, которая, по словам юного конюха, приходилась мужу Авдотьи матерью. В ответ на вопрос об Алёнке пожилая женщина что-то слабо прокряхтела и указала нам на открытую дверь в соседнюю горницу.

– Алёнушка, здравствуй! – произнесли мы с Нестором, увидев уже знакомую нам трёхлетнюю девочку, перебирающую клубки тёткиной пряжи.

– Здравствуй, барин! Здравствуй, барыня! – сказала смышлёная голубоглазая малютка в зелёном сарафанчике. – А почему ты плачешь? Кто тебя обидел?

– Она просто резала лук, – притворно улыбнулся молодой князь, не решившись тут же, с порога открывать горькую правду.

– Барыни не режут лук, – почуяв ложь, нахмурилась Алёнка и откинула за спину золотисто-русую косичку. – Они только пряники жуют.

– А вот и нет, – возразил Нестор и уселся рядом на лавку. – Барыни много учатся, хорошо умеют читать и писать, говорят на иностранных языках, играют на музыкальных инструментах и танцуют.

– Папа тоже умеет читать, – с гордостью заметила Алёнка.

– Он большой молодец, – вновь улыбнулся мой муж. – Не всякий дворянин так умён и благороден, как Варфоломей Гаврилов. Иди ко мне, маленькая красавица!

Нестор взял девочку на руки и направился к выходу, но тут она забеспокоилась.

– А куда ты несёшь меня? К маме? – настороженно спросила девочка.

– Не говори ей, Нестор! Я тебя очень прошу! – забыв обо всех обидах, шепнула я.

– Скажи: ты когда-нибудь каталась в барском экипаже? – спросил Нестор, помогая малютке укутаться платком и одеться в маленький тулупчик.

– Нет, – сказала она.

– А хочешь прокатиться?

– Да. Но только вместе с мамой! – вновь нахмурившись, ответила Алёнка.

– А с папой поедешь? – спросил мой супруг.

– Поеду! А куда?

– Пойдём на улицу. По дороге я тебе всё расскажу, – стараясь выглядеть весёлым и беззаботным, сказал Нестор, и любопытная девочка послушалась его. – Есть на свете город большой и очень красивый, столица империи Российской. Называется он Санкт-Петербург. Там живёт во дворце и правит страной наш государь император. Не так давно я купил в этом городе дом. Туда мы и поедем жить. Здорово, правда?

– Здорово! – заслушавшись речью молодого князя, ответила Алёнка и засмеялась.

– В Петербурге много высоких каменных домов, рек, мостов, величественных дворцов и храмов. А ещё там есть театры, магазины, булочные и конфетные лавочки. Ты же любишь пирожные и конфетки?

– Очень! – простодушно ответила девочка. – Но мамины пирожки ещё больше люблю. Они такие вкусные, что просто пальчики оближешь!

Я с затаённым умилением смотрела, как Нестор некрепко сжимает в большой ладони маленькую ручку малютки, а та доверчиво шагает рядом. Он говорил с нею так ласково и вкрадчиво, словно рассказывал волшебную сказку.

«Он будет замечательным отцом», – мелькнуло в моей голове, но гордость взяла верх над восхищением талантом Нестора сходиться с детьми.

«Ты любила не меня, а святого с моим лицом, которого сама же придумала!» – загремела в моей голове отвратительная фраза, брошенная мужем вчера в порыве гнева, и все романтические мечты о материнстве разбились вдребезги. «Я ему всю себя отдала: и невинное тело своё, и первую нежность, и всю душу свою, а он даже не верит в то, что я люблю его! Какая неблагодарность, какая чёрствость, Господи! – глядя себе под ноги, с разочарованием и досадой подумала я. – Да, я сама выбрала его себе в мужа и пошла с ним под венец. Но разве я могла предвидеть то, что он всего через неделю станет таким? Боже, неужели он никогда уже не будет прежним?»

Зайдя во флигель, мы застали Варфоломея в постели. В горнице стоял неприятный запах спиртного. На полу вокруг его кровати в беспорядке валялись опустошённые бутылки, некоторые из которых были разбиты.

– Отца твоего лечить нужно. Гляди, как расхворался! – сказал Алёнке Нестор.

Переступив через порог, мы подошли ближе.

– Вот видите, хозяева! Аж верёвка на шее отпечаталась, – указал на шею Варфоломея Ананий.

Варфоломей с трудом приподнял голову и, щурясь, посмотрел на нас отёкшими и мутными глазами.

– Погляди, на кого ты стал похож! – продолжил юный конюх. – Был благоразумный порядочный мужик, а теперь срам один! Вот, гляди: я хозяев привёл. Пусть решают, что делать с тобою таким.

– Приводи кого хочешь, пострел. Всё одно удавлюсь, – шлёпая через губу, заявил вдовец, а после плюхнулся на кровать лицом вниз.

– Ты с ума сошёл? У тебя дочь трёхлетняя! – схватив Варфоломея за плечи, не выдержал Нестор. – На кого ты её оставишь?

– Да нет у меня никого! Умерли все! – с трудом справляясь с заплетающимся языком, воскликнул несчастный крестьянин, и из глаз его покатались слёзы. – Всех старый дьявол растерзал! И мне жить незачем!

Нестор шумно перевёл дыхание, а после обратился к малютке:

– Иди-ка сюда, милая, покажись отцу на глаза. Пускай он о тебе вспомнит! И пускай стыдно ему станет за свои слова!

– Папа, ты что про меня забыл? – обиженно спросила Алёнка, а после едва не заплакала, увидев, что отец обездвижен верёвками. – Злые вы, нехорошие! Зачем вы его привязали?

– Это, милая, чтобы батька твой себе не навредил, – объяснил Нестор.

Наказав Ананию позаботиться о Варфоломее и накормить его, Нестор увёл меня и Алёнку в соседнюю горницу. В ней стоял обеденный стол, который всегда так искусно и щедро накрывала Варвара.

– А где мама? Где Акулька и Федя? Куда они ушли? – спросила Алёна, и, не дождавшись ответа, обиделась. – Вы все меня обманываете!

– Алёна, мы не обманываем тебя. Напротив, мы хотим поговорить с тобою как со взрослой, – возразил мой супруг. – Ты только не плачь, хорошо?

– Хорошо, – насупившись, промычала девочка.

– Юля, может быть, ты? – спросил Нестор, и я не смогла отказать ему.

– Понимаешь, дело в том, что мама твоя... – произнесла я, но тут мой язык словно бы онемел. – Она теперь на небе будет жить. И Акулина с Федей тоже.

– Почему? – округлив глаза, изумлённо спросила девочка.

– Не знаю, Алёнушка. Бог так решил.

– Но я хочу к маме! Когда она вернётся? Боженька, забери меня к маме!

– Не говори так, не нужно! – испугавшись, перебила её я. – Беду накличешь! Нельзя так говорить!

– К маме хочу! – захныкала Алёнка, а после и вовсе заревела.

– Господи, что я наделала? – сорвалось с моих губ. – Я не знала, как сказать это иначе! Я не хотела причинить ей боль!

– Ты всё сделала правильно. Побудь с ней, – сказал мой муж и отправился в соседнюю горницу, очевидно, чтобы поговорить с Варфоломеем.

Алёнушка продолжала плакать. Оставшись с девочкой, я вытирала ей слёзки, гладила её по голове и утешала. Все слова мои были бессмысленны, как и игрушки, которыми я пыталась её отвлечь. Наконец, малютка выбилась из сил и уснула прямо на застеленной лоскутным одеялом лавке. Переложив Алёнку на кровать, мы с Нестором отправились спать, ибо на дворе была уже глубокая ночь, а подъём на следующий день нам предстоял ранний.

Нестору насилу удалось разговорить Варфоломея, который прежде только с безразличием глядел в потолок и молчал.

– Я не поеду, – угрюмо пробубнил он в ответ на приказ хозяина собирать вещи.

– Почему же? – спросил Нестор.

– Всё рухнуло, что на земле держало. Сил нет жить. Да и смысл теперь?

– А дочь? – напомнил вдовцу мой супруг. – У тебя трёхлетняя дочь! Ты сиротой её решил оставить? Умный мужик, а такую ересь говоришь! Ты нужен всем: нам с Юлией, дочке, Пантелею.

– И мне ты, старик, тоже нужен, – очень кстати добавил Ананий.

– Тем более, – продолжил Нестор. – Да, я понимаю, что это невосполнимая потеря и великое горе, но нет ничего глупее, чем грех самоубийства! Послушай меня. Ты поедешь в Петербург, будешь службу нести вместе с братом. И девочка твоя нам не помешает. Пускай с Татьяной живёт. Таня – Варварина сестрица, родное дитя её погибло. Она только рада будет!

– Не поеду, – упрямо повторил Варфоломей.

– А куда ты денешься, старик? – вмешался Ананий.

– Да уж. Прав ты, пострел, – хмуро признал вдовец. – Воля барская – закон. Поеду, коли во мне нужда такая. Одна у меня только просьба.

– Какая же? Говори! – велел мой супруг.

– Жениться я более не собираюсь. Посему Христом Богом молю: никого ко мне не сватайте, барин, – сказал Варфоломей. – Всё равно ни одна баба не сравнится с Варенькой моей.

– Что ж, как скажешь, – сочувственно вздохнул мой супруг. – Хотя я бы на твоём месте с плеча не рубил.

– Молоды вы ещё, барин, – грустно улыбнулся Варфоломей. – Вот были бы в годах моих да трижды отцом, прожили бы с женою в честном православном браке пятнадцать лет!

– Тихо, тихо старик, – поспешил успокоить его юный конюх. – Он всё понимает. Ты не кипятись почём зря. Лучше умойся и делом займись.

– И правда: довольно тебе уже лежать. Все бока уж, небось, отлежал, – согласился Нестор и принялся тормошить Варфоломея. – Вставай и собирай вещи немедленно! И для себя, и для дочери! А ты, Ананий, помоги ему!

– Слушаю, барин, – покорно пробубнил себе под нос Варфоломей и, покачиваясь, поплёлся к платяному сундуку.

Мы возвратились в Петербург, приехали в дом, который покинули всего три дня назад, но как всё переменялось! Мы с Нестором настолько отделились друг от друга, что слуги не могли нас узнать. Я продолжила учиться. Он по-прежнему ходил в Академию наук. Но если прежде всю вторую половину дня, с обеда и до позднего вечера мы проводили вместе, то теперь, живя в одном доме, почти перестали видеться.

«Bonjour, madame», – соблюдая приличие, сухо говорил он, когда я, разлепив веки, видела его уже одетым и торопящимся на службу. «Bon appétit!» – слышала я за обедом и проносила то же самое в ответ. Ели мы молча. Каждый смотрел в свою тарелку и старался скорее расправиться с её содержимым, дабы не тяготиться напряжённой тишиною. Потом Нестор ссылался на необходимость поработать в кабинете и уходил, разрешая мне в случае, если он задержится, ложиться спать без него.

В первую ночь Нестор пришёл в спальню после двенадцати. В дальнейшем даже тёмное время суток он проводил в кабинете со стеклянными колбами, ворохами документов, останками животных и книгами, которые приносил домой целыми связками. «Неужели я стала для него настолько омерзительна?» – просыпаясь утром в одиночестве, с горечью думала я, а после уже по привычке надевала траурное платье, которое привезла из поместья.

Только маленькой Алёнке удавалось ненадолго развеять мою грусть. Каждый день я заходила в людскую, чтобы поиграть с нею и побаловать её какой-нибудь приятной мелочью. Татьяна не тяготилась необходимостью приглядывать за девочкой. Оплавав сестру, она с удовольствием проводила время с Алёнкой и показывала себя образцовой тётёй.

Варфоломей, заняв место второго лакея, стал помогать брату. Он безукоризненно исполнял все хозяйские наказания, хотя и оставался угрюмым и молчаливым. Лицо его застыло, как

неподатливая гипсовая маска, взгляд добрых и умных глаз потух и обратился вовнутрь, а на висках серебрилось всё больше седых волос. «Ты пошёл бы, прогулялся что ли, старик, – пытался растормошить его Ананий. – Уж сколько дней из дома не выходишь!» Однако тот, пробубнив себе под нос, что у него много работы, уходил в другую комнату.

Между мною и Нестором словно бы выросла холодная несокрушимая стена. Мы стали похожими на малознакомых соседей, которые снимают комнаты на разных этажах. Но чем больше времени проходило со дня похорон Гавриловых, тем меньше я винила Нестора в трагической смерти Варвары и детей.

Однажды я проснулась с мыслью о том, что безмерно тоскую по молодому князю. Всему виною был сон. Мне приснилась небольшая, полукруглой формы застеклённая веранда, вся уставленная пышными букетами розовых пионов. Мы были здесь вдвоём: я и Нестор. Мы сидели рядом на чём-то светлом и очень мягком. И казалось, никого и ничего в целом мире больше не существовало.

«Зачем мы здесь?» – спросила я. Мой любимый не произнёс ни слова: только загадочная лукавая улыбка загорелась на устах его. Нестор взял один цветок, нежно поцеловал его венчик и медленно провёл им по моей груди. Что было дальше? Всё то же будоражащее кровь лёгкое скольжение свежих лепестков по моей чувствительной коже. Тончайший невесомый пеньюар, сам собою упавший с моих плеч. Жадные всполохи в его смеющихся фиолетовых глазах, объятия, слияние губ, сплетение рук и волнующий трепет двух горячих тел...

После пробуждения я ещё не раз и не два мысленно возвращалась на застеклённую веранду. «Ты хочешь увидеть рай на земле?» – вспоминала я слова своего счастливого, безумно влюблённого мужа, и на глаза наворачивались слёзы.

Через неделю я не выдержала. Улёгшись в постель, я несколько минут смотрела в потолок и собиралась с мыслями. В этот вечер я была полна решимости. В сердце моём ещё тлела надежда на то, что всё можно изменить. Я подошла к двери в кабинет и приоткрыла её: как ни странно, оказалось не заперто.

– Что вам угодно, княгиня? – обжёг меня резкий и равнодушный вопрос. – Признаться, вы не совсем вовремя...

Крылья мои вмиг поникли, а грудь словно бы напоролась на остроконечный вражеский штык. Такая интонация больше подошла бы для лакея, сидящего в приёмной значительного лица и уже изрядно уставшего от назойливых посетителей.

– Нет. Ничего, – пробормотала я, присмирив перед величием до невозможности занятого гения, к которому, как оказалось, можно заходить только с докладом. – Извините за беспокойство, князь.

Я не стала умолять о разговоре, ибо тоже имела чувство собственного достоинства. Не подав и вида, что хоть немного опечалена, с каменным лицом проследовала к выходу и закрыла снаружи дверь его кабинета. Тотчас же уйти наверх я всё-таки не смогла. Я ещё минуту оставалась у двери в надежде, что он бросится за мною, что он почувствует, что я ещё здесь и с мучительным нетерпением жду его. Однако он ничего не почувствовал. Или почувствовал, но гордость задушила желание поддаться любовной слабости и забыть все мои оскорбления.

На этом мы и расстались. Я медленным шагом поднялась по лестнице и возвратилась в опустевшую спальню. Я не могла уснуть ещё целый час, безутешно рыдая в подушку и желая оторвать свой глупый язык за то, что он неделю назад разрушил наше с Нестором счастье. «Он будет помнить все мои слова, все до единого! Даже если он когда-нибудь и простит меня. Даже спустя много лет! Какой кошмар!.. И поделом мне! Поделом! Виновный должен быть наказан, и я справедливо наказана. Муки совести и одиночество стали моим наказанием. Нет, не надо роптать. Полно жалеть себя! Надо достойно нести свой крест. В конце концов, есть тысячи людей, которым намного хуже, чем мне, но они держатся и продолжают бороться, не разуверяются в милосердии и справедливости божьей. Никто из моих родных хотя бы не умер.

А вот Алёнка потеряла мать, брата и сестру. Она ещё малютка, но ведь уже всё понимает. Алёнке наверняка очень больно, но она живёт. Хорошо кушает, играет, а иногда даже смеётся. И Варфоломей живёт. Ради единственной дочки, ради брата, ради Анания и нас.... Каждое утро, даже в воскресный день он просыпается раньше всех в доме и идёт к любимому хозяину, чтобы выяснить, не угодно ли ему что-нибудь. В любое время дня и ночи он готов исполнить нашу просьбу. Удивительная преданность! И стальная, негибкая воля!»

Влекомая потоком подобных мыслей, за полночь я наконец-то провалилась в сон. Но и во сне я не могла перестать терзаться переживаниями, связанными с Нестором и с произошедшей в нём переменой. И одному Богу известно, чем мог бы закончиться этот разрыв, если бы не произошла одна чудесная встреча.

Глава 6. Золотые слова

Я ещё не видела такой живописной и завораживающей весенней картины. Ласковое солнце сияло высоко в лазурных небесах, усыпанных лёгкими лебедиными перьями белоснежных облаков. Всё вокруг благоухало и радовало глаз самыми тёплыми и нежными красками, какие только могли бы найтись на палитре природы. Я неспешно гуляла меж раскидистых черёмух и ветвистых яблонь, слушая упоительный шум сочной листвы и сладкозвучное пение птиц и вдыхая полной грудью головокружительный цветочный аромат.

На усыпанной колокольчиками, медуницами и горицветами поляне стоял аккуратный серый домик, который очень напомнил мне уютный флигель Гавриловых. Однако что-то было не так с этим жилищем. Новая крыша его сияла на солнце. Светлые резные наличники и ставни на окнах приобрели безупречный, кристально-белый цвет. На стенах дома не было ни трещинки, ни пятнышка, а на оконных стёклах – ни единой пылинки. На подоконниках красовались такие же комнатные растения, только цвели они пышнее и ярче, чем прежде.

Я поднялась на крылечко и постучалась. В доме послышались шаги. Дверь отворилась, и я не поверила своим глазам. Передо мной в белоснежной вышитой рубашке и нарядном, тёплого молочного цвета сарафане стояла Варвара. Живая и невредимая.

– Здравствуй, милая. Ну что же ты? Не бойся, заходи, – гостеприимно улыбнувшись, сказала она. – Чайку попьём, как раз самовар вскипел.

– Варя? Но ты же умерла! Тебя же больше нет! – нерешительно переступая порог, пробормотала я.

– Ну что ты, Юленька! Как это нет, если я стою перед тобою? – тихо и мягко засмеялась она и приоткрыла дверь в соседнюю горницу. – Хорошо нам здесь с детьми, спокойно, радостно. Никто нас не тревожит. Благодать Господняя и только.

– Как? И вы тоже здесь? Акулина, Федя! – воскликнула я и, выпустив из объятий Варю, бросилась к детям, которых, к изумлению, также нашла живыми и здоровыми.

– Здравствуйте, барыня! Смотрите, какое платье у меня! – кружась посреди комнаты в лазурно-голубом, словно кусочек неба, сияющем в солнечных лучах дворянском платье, похвасталась девочка.

– А у меня сабля как настоящая! – воскликнул мальчик, и мне стало радостно за детей, заветные мечты которых сбылись.

– Как вы остались в живых? Мы же с Нестором вас похоронили! – обернувшись к Варваре, в недоумении спросила я. – Это же невозможно!

Варя не ответила на мой вопрос:

– Ничего я, кроме этого, в жизни не желала. Вот и осталась при своём. Дети счастливы, а мне для счастья больше ничего и не надобно. Ты садись, угощайся.

– Варя, как я рада, что у вас всё хорошо! – призналась я, усевшись за стол, на котором по соседству с баранками, ватрушками и пирогами золотился большой самовар.

– А у вас-то, я вижу, не всё хорошо, – наполняя мою чашку кипятком, покачала головой Варвара. – Не ладите с барином совсем. А ведь были не разлей вода!

– Да, ты права, – с сожалением вздохнула я. – Неделю назад мне казалось, что мы с Нестором так любим друг друга, что ничто на свете не сможет нас поссорить. Так же думал и он. Но теперь мы стали почти чужими людьми, и всё из-за того, что...

– Знаю, знаю, не трудись, не рассказывай, – мягко остановила меня Варвара. – Лучше выпей чайку и скажи: за что ты так с ним, милая? Вот тебе крест: он ни в чём не виноват! Не знал наперёд ничего, посему и помочь нам не смог. Ведьмины это проделки всё. Ведьма рыжеволосая колдовством его ослепила!

– Я и сама поняла, что напрасно накричала на него, – опустив глаза, призналась я. – Но слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Я хотела написать маме обо всём, попросить совета, но мне стыдно перед нею! Я так мечтала выйти за Нестора, так добивалась её благословения! Вышло по-моему, мы обвенчались, но я снова несчастна. Нестор закрывается от меня дверями, замками, работой. Он как будто и вовсе не нуждается во мне! А я не могу без него. Что мне делать?

Хозяйка флигеля слушала меня спокойно и внимательно, прихлёбывая чай и понимающе качая головой.

– Прости его за те слова, что он тебе сгоряча наговорил. И сама повинись, – ответила Варвара. – Пусть он тебя тоже простит. Боишься, что он тебя слушать не станет. Запуталась, бедная, совсем. А тут просто всё. Достаточно глазами его посмотреть. Какому мужу понравится, что жена ходит хмурая, плачет, да ещё и в платье траурном?! То-то. Многое переменялось бы, коли бы ты улыбчивее, мягче, ласковее стала, оделась как молодой княгине подобает. Знаю, о чём ты помыслила сейчас: «Он даже не верит в то, что я люблю его, а я должна с какой-то стати улаживать его взор! Он всеми силами изображает равнодушие, а я обязана бороться за его внимание! Нет уж, коли он без меня может, так и я как-нибудь смогу!» Ты от себя такие мысли, барыня, метлою поганой гони. Гордыня нынче вас обеих истязает. Трудно с нею бороться, да только брак на этом и держится. ... Семья у вас счастливая и крепкая будет, дети родятся и вырастут славные. Но прощать его тебе придётся, милая. Не раз и не два, а десятки раз ещё прощать. Да и самой не меньше прощения просить. Никуда без этого в семье. Мы ведь все люди, не ангелы. Непросто это будет поначалу, но ты справишься. Ты же любишь его! Мне хорошо отсюда видно, как ты по нему тоскуешь!

– Да, ты права. Я попытаюсь поговорить с ним. Хотя уже пыталась, а он выставил меня за дверь. Он вечно занят, работа для него намного важнее, чем я. ... Погоди-ка, Варя. Ты сказала «отсюда»? Что это значит? Пожалуйста, не молчи! Что ты имела в виду? Господи, да ведь это рай! – вдруг осенило меня, и я осознала всю иллюзорность происходящего вокруг. – Ты снишься мне, Варя?!

– Пора тебе, милая, – спокойно и мягко сказала она, а после проводила меня до двери. – Нельзя живым сюда надолго приходиться. Ступай к нему. Ступай себе с Богом! И слёзы оботри. Довольно уже выплакала. Поди, море целое! Всё исправить можно, пока оба живы. Вот мы с Варфоломеем годочков через сорок только свидимся. Но что поделаться, такова воля Господня. Женщину бы встретить ему хорошую, чтобы об Алёнушке позаботиться смогла. Мать живая девочке нужна, а не могилка сырая. Да и он погубит себя один. Ох, погубит. ...

Я хотела поблагодарить её перед уходом за мудрые советы, но не успела, потому что проснулась. Холодное предзимнее утро уже смотрело в зашторенное окно. Потрогав противоположную половину постели, я почувствовала прохладу гладкой простыни и непрямой подушки. «Мой муж опять не приходил», – сделала вывод я, окинув взглядом комнату, в которой со вчерашнего дня ничего не изменилось.

Впечатление, произведённое на меня чудесным сном, не давало мне усидеть на месте, и я с охотой принялась за то, что ещё вчера мне делать совершенно не хотелось. Откинув одеяло, я встала с кровати и подошла к зеркалу, завешенному непроницаемой чёрной тканью. «Как я уродлива, Господи!» – вслух воскликнула я, стоило мне только избавиться от плотной завесы и увидеть в стекле своё отражение. Я словно бы постарела за эти семь дней на десять лет. Безобразно опухшие от слёз и тусклые глаза, синяки, оставленные под ними бессонными ночами, заострившиеся от недоедания скулы и бледные, как у покойницы, губы. ... С досадой и горечью отвернулась я от зеркала, словно это оно было во всём виновато. По щеке опять покатила солёная слеза.

«Ну, полно жалеть себя, хватит! – одёрнула себя я. – Нужно привести себя в порядок. Тогда, быть может, Нестору будет уже не так противно находиться рядом со мной, и он вернётся»

ко мне. Ну а если нет, то что ж, на всё воля Божья. Унизительно стараться ради того, кто не верит в твои чувства и избегает тебя? Нет! Унизительно не следить за собой! Я молодая благородная женщина, я дворянка. Я должна выглядеть опрятной и ухоженной».

Я насухо вытерла щёки и кликнула Татьяну, чтобы та помогла мне с утренним туалетом. Первое, что я решила сделать, – это умыться не тёплой, а холодной водой, чтобы более или менее освежить измождённое недельными страданиями лицо. После этого служанка по привычке принесла мне траурное платье покойной Елизаветы Вяземской.

– Нет, постирай его и убери подальше. Наденем что-нибудь другое. Кремовое бальное платье, например. И волосы заплетём в какую-нибудь модную причёску, – сказала я и достала из ящика шкатулку с украшениями, к которой за неделю ни разу не притронулась.

Нарядившись, я с аппетитом позавтракала, а после позанималась с учителями. «Вы так хороши и свежи сегодня, княгиня!» – сказал профессор Грановский. «Вы восхитительно выглядите, мадам», – не отстал от коллеги мсье Лыков. Даже Алёнушка сделала мне комплимент, когда я заглянула к ней после учебных занятий со сладким петушком на палочке. «Барыня, какая вы красивая!» – взяв леденец, простодушно сказала она. Однако тот, для кого были предназначены мои старания, так и не смог оценить их.

– Его сиятельство? Так ведь уехали-с, – ответил Пантелей на мой утренний вопрос о том, где хозяин. – Час назад в военный госпиталь уехали-с. Кофий только выпили, завтракать не стали-с.

Когда молодой князь вернётся домой, лакей тоже точно не знал.

– Сказывали, что и к обеду не воротятся, – нахмурив брови и призадумавшись, сказал он. – Вечером будут, наверное.

«Нестор уже не хочет обедать дома, – посетила меня печальная мысль. – Поздно я спохватилась. Не удивлюсь, если завтра мой муж съедет к кому-то из друзей. А там и до развода рукой подать». Только воспоминания об удивительной встрече с Варварой приободрили меня и не позволили мне впасть в беспросветное уныние.

Мой супруг возвратился домой в седьмом часу пополудни, как раз тогда, когда я вернулась в спальню и села вышивать. Увидев за окном Нестора, я тотчас отложила пяльцы. Сердце моё встрепенулось, словно забытый одинокий голубь в клетке, которому наконец-таки насыпали полную кормушку пшена.

Я поправила причёску и настолько быстро, насколько это позволял подол пышного платья, спустилась по лестнице вниз. Однако ни в холле, ни в гостиной Нестора уже не было. Нас опять разделяла дверь кабинета.

Начать серьёзный разговор я решила не сразу. Вернувшись в спальню, я ещё где-то час вышивала, придумывая, что скажу мужу и как буду отвечать на его вопросы. Порой на меня нападали то ли гордыня, то ли трусость, и я начинала сомневаться в том, что этот разговор необходим. «Может, как-нибудь в другой раз, не сегодня? Он наверняка устал после работы. Хотя о чём я? Он может дённо и ночью без усталости заниматься ею! А может, и вовсе не нужно выяснять отношения? – орудуя иглой, сомневалась я. – Всё равно всё закончится моими слезами. Наверняка он скажет, что у него много дел и что ему недосуг тратить своё бесценное время».

Горькие мысли засасывали меня как болотная трясина. Крепко завладев моим разумом, они едва не сбили с тернистого, но самого правильного пути, который подсказала мне покойная Варя.

– Что-то, барыня, у тебя руки дрожат, – заглянув ко мне, заметил Ананий. – Смотри, иглой не уколись!

– Спасибо за заботу, – грустно улыбнулась я и отложила вышивку. – Скажи: а Нестор Виссарионович сейчас у себя в кабинете?

Юный конюх так и прыснул:

– Нестор Виссарионович! Скажите на милость! Ты, барыня, как будто к генералу-губернатору на приём записаться желаешь!

«Легче добиться аудиенции у генерала-губернатора, чем у него!» – с досадой подумала я.

– У себя, конечно, – наконец, получила я ответ.

Часы пробили восемь вечера. Спускаясь по лестнице, я подумала о том, что время уже позднее и лучше перенести непростой разговор на завтра. Однако голос Вари вновь зазвучал в моей голове. «Нет, никаких тебе оправданий и поблажек больше! – сказала я себе почти вслух, подходя к двери в кабинет молодого князя. – Если решила, так действуй. А выставит – так выставит. Самому же потом стыдно станет. Есть же на этом свете Бог!»

Думая подобным образом, я вошла в лабораторию и закрыла за собой дверь. Нестор стоял ко мне спиной. Он сосредоточенно переливал из пробирки в колбу зеленоватую жидкость. Не желая мешать ему, я решила помолчать, пока пробирка не опустеет. Однако он заговорил первым.

– У вас ко мне дело, княгиня? – не обернувшись, а вычислив меня по шелесту платья и, может быть, аромату духов, спросил мой муж.

Он говорил спокойно. Интонация его была прохладной. Явного раздражения я не услышала, что уже не могло не обрадовать.

– Да. Мне необходимо говорить с вами, князь, – еле справляясь с нарастающим волнением, ответила я. – Я знаю, что у вас много дел. Но поверьте, это стоит вашего внимания. Это касается нашей семьи.

– Что ж, мадам, я вас слушаю, – Нестор обернулся и удивился, увидев меня в светлом бальном наряде. – Не знаю, как вы воспримите сей комплимент, не сочтёте ли его слишком дерзким, но это платье вам очень к лицу.

– Мерсі, – сдержанно поблагодарила его я, едва не растаяв от лёгкой улыбки, пробежавшей по его надменным тонким устами. – Почему вы думали, князь, что мне будет неприятно это услышать?

Этим вопросом я, сама того не желая, толкнула его на откровенность, и между нами завязался длинный откровенный разговор.

– В последнее время вы держите себя так строго, словно приняли монашеский постриг, – скрестил на груди руки мой муж. – Не желаете ни поцелуев, ни объятий. Должно быть, я жутко опостылел вам, и вы ломаете свою юную головку над тем, как освободиться от брачных обязательств.

– Нет. Нестор, клянусь тебе: это не так! Ты и сам знаешь об этом, ты же видишь, как я страдаю! – забыв о гордости, поспешила переубедить его я. – Я была несправедлива к тебе. Напрасно обвинила в том, что ты не совершал! Прости меня, пожалуйста, и вернись ко мне. Я люблю тебя, Нестор! Видит Бог, мне очень плохо без тебя.

Мои слова явно произвели на него впечатление.

– Вернуться? – негромко переспросил он. – А разве я куда-то уходил?

– Нет. Ты никуда не уходил. Но я хочу, чтобы у нас всё было так, как раньше, – уточнила я. – Как до похорон Гавриловых. Скажи: это возможно?

– Юля, я не держу на тебя зла, – ответил он, глядя на меня с таким умилением, словно я была ребёнком, который слопал под покровом ночи целую вазочку конфет.

– Тогда почему ты так отдалился от меня? – набравшись смелости, напрямую спросила я.

– Ты сама пожелала этого. Попросила, чтобы я оставил тебя в покое и не докучал своей любовью. Я постелил себе здесь и завалил себя работой. Нужно же было как-то отвлечься от лютой тоски по тебе! Я должен тоже попросить прощения, мой ангел. Не имею понятия, что случилось со мною, но ясновидец из меня в последнее время никчёмный. А что касается моих слов, то я выпалил их сгоряча. Ты задела моё самолюбие, и я, к своему стыду, не удержался от ответного удара. У меня нет оснований сомневаться в твоих чувствах. Я уверен, что ты любишь

меня, а не святого с моим лицом, и это делает меня самым счастливым на Земле! Юля, дай мне руку в знак того, что прощаешь меня!

Чуть не плача от радости, слушала я тёплые и искренние слова его раскаяния. Не сомневаясь, с улыбкой подала ему руку, а после, едва он успел поцеловать её, бросилась к нему в объятия:

– Нестор, я знаю, что случилось с твоим даром! Это всё она – Маргарита! Это она околдовала тебя!

– Откуда тебе это известно? И почему ты так уверена? – полюбопытствовал мой муж.

– Покойная Варя приснилась мне и рассказала об этом. Ей хорошо там, Нестор. Там так же, как на Земле, только лучше! Тот же флигель, только просторнее и светлее, тот же чай, те же ватрушки и пирожки. И всё цветёт, всё благоухает вокруг! И дети тоже с ней, целые и невредимые. Ещё румянее стали.

– Такие сны может видеть только ангел, – понизив голос, произнёс молодой князь и снова взял меня за руку. – Вы больше не в трауре, мадам. Значит, я имею право вас поцеловать?

Я ответила одной безмолвной улыбкой. Долгий поцелуй опалил мои отвыкшие от любовных удовольствий уста.

– Надо же! Прямо не верится, что ты не сердишься, – усмехнулся он.

– Нестор! – влюблённо прошептала я. – Ты смотришь на меня так же, как и прежде! Как смотрел в день венчания!

– Возможно ли смотреть иначе на такую прелестную женщину? Если бы ты знала, как я всё это время тосковал по тебе, как мечтал о тебе, Юля! Я чуть не сжёг в камине твоё чёрное платье, чтобы ты больше не надевала его. Даже мысль о том, что оно мамино, не могла меня остановить!

– Нестор, почему ты ничего не говорил? Я думала, что ты охладел ко мне. Если бы я знала, что ты хочешь вернуть наше счастье!..

– Ни слова больше! – сверкнув очами, перебил меня Нестор.

– Почему? – спросила я, хотя чарующий блеск его глаз, неровное дыхание и чуть порозовевшие щёки уже поведали обо всём, что происходит с ним.

– Это становится невыносимо! – он запер дверь лаборатории на ключ.

– Ты с ума сошёл, Нестор, – смущённо прошептала я, когда он поспешно задул в канделябрах почти все свечи и задвинул шторы. – Это же... Твой кабинет!

– Именно. Это мой кабинет, – подойдя ко мне вплотную, уже не так громко и отрывисто произнёс Нестор, а после принялся ловко вытягивать из моих волос золотистые шпильки и складывать их на край стола. – Так что извольте повиноваться, мадам.

Как странно выглядели мои блестящие женские вещицы по соседству с препаровальным набором инструментов, распластанной на дощечке лягушкой и дюжиной невымытых склянок, на дне которых алело что-то похожее на кровь!

Низкий и мягкий, бархатный голос Нестора расслаблял и завораживал. Его горящие любовным пламенем глаза манили в бесконечные чернильные тернии. Его смелые прикосновения усыпляли застенчивость и ослабляли волю. Один томный поцелуй – и моя участь была решена. Прикрыв глаза от удовольствия, я открыла их уже на застеленном диване. Одна рука моего супруга крепко обнимала меня за талию, а другая быстро расправлялась с тугим и крепким шнурком моего корсета.

В эту ночь стены лаборатории впервые стали свидетелями нашей любви. Два шумных и жарких дыхания растворялись в темноте. Два молодых сердца бешено колотились, ликуя и томясь от опьяняющего счастья.

– Ты родишь мне наследника. Да, скоро ты родишь мне сына и станешь ещё прекраснее!.. – спустившись с райских облаков на землю, мечтательно произнёс мой муж.

– Я люблю тебя, – прошептала я, и слёзы счастья полились из моих глаз.

– Знаю, – лукаво улыбнулся он. – Я люблю тебя ещё сильнее. Доброй ночи, мой ангел!

Пробудившись ранним утром на груди у молодого князя Вяземского, я со смущением поняла, что после вчерашних романтических приключений на мне, как, впрочем, и на нём, не осталось ничего, кроме кожи. Узкий диван не позволял мне подвинуться и улечься рядом с мужем. За окном уже пламенела заря.

Я попыталась подняться с постели, но Нестор крепко обнял меня и никуда не пустил.

– Утро уже. Пора вставать, – пробормотала я, когда на меня вопросительно взглянули два чарующих фиолетовых глаза. – Ко мне, наверное, уже пришли учителя.

– Сегодня воскресенье, так что спите, сударыня, – поспешил успокоить меня он. – И ни о чём не тревожьтесь.

Повалявшись и подремав ещё где-то полчаса, мы вновь разговорились.

– Мы провели тут всю ночь. Что о нас подумают слуги? – со смущённой улыбкой сказала я.

– Пусть думают что хотят. Мы законные муж и жена! – улыбнулся он и тихо засмеялся, когда я, привстав, закуталась в одеяло.

– К нам могут войти. Мне надо во что-то одеться.

Нестор дотянулся до стоящей рядом тумбочки и извлёк оттуда чистую, аккуратно сложенную белую рубашку:

– Могу предложить только это, мадам.

– Что ж, это вполне сойдёт. Только не смотри на меня так пристально, – попросила я и отвернулась к стене, чтобы одеться. – Право, мне неловко.

– Юля, но я же почти всю ночь... Любовался тобой!

– То была ночь. А сейчас уже утро, – торопливо застёгивая пуговицы, строго сказала я, но влюблённая улыбка всё-таки прорезалась на моих губах.

Светлая рубашка Нестора оказалась мне так велика, что вполне смогла заменить ночную сорочку. Потянувшись, я встала с постели и медленно прошла по комнате, умильно созерцая творческий беспорядок, устроенный моим любимым на столах во время работы, а после раздвинула шторы на окне. Поток дневного света хлынул в сумрачную лабораторию, заставив зажмуриться. Когда я разлепила веки, мне открылась просто сказочная картина. На улице, где ещё вчера была слякоть и грязь, всё словно бы по волшебству стало белым-бело: и мостовая, и балюстрада набережной, и лёд замёрзшей реки.

– Снег! – тихо воскликнула я, а после повысила голос. – Нестор, посмотри: там столько снега намело!

– Рановато ещё. Наверняка растает, – послышался его тихий голос прямо за моей спиной.

Я не успела обернуться, как сильные мужские руки обвились вокруг моей тонкой талии, заключив меня в тёплые объятия.

– Я тоже собирался поговорить с тобой, – почувствовав, что я замерзаю, и укутав меня покрывалом, признался мой супруг. – Но решил сделать это утром, на свежую голову. Вы мне не верите, мадам. Тогда представлю доказательство.

Он раздвинул шторы на втором окне, и моему приятному изумлению не было границ: на широком подоконнике красовался пышный букет кремовых и нежно-розовых пионов.

– Они ждут тебя со вчерашнего дня, – очаровательно улыбнулся мой князь. – Но вчера я совсем о них позабыл.

– Нестор, как ты узнал?.. – с восторгом разглядывая живые бутоны, спросила я.

– О том, что это твои любимые цветы?

– Да, об этом, – пробормотала я и решила умолчать о недавнем романтическом сне.

– Ваши глаза, сударыня. Они о многом могут рассказать, – развернув меня к себе за плечи, таинственно ответил Нестор. – Например, о том, что вы не прочь сегодня провести со мною целый день.

– Нестор, что там день? Я бы вечность не расставалась с тобою! Погоди, а разве сегодня тебе не нужно на службу?

– Во-первых, повторюсь: сегодня воскресенье, сударыня. А во-вторых, за дни нашего с вами разрыва я сделал столько, что теперь могу неделю не появляться в Академии и уделять достаточно времени юной жене.

После завтрака, который подали в лабораторию, охалка пионов перебралась ко мне в спальню. Слуги очень обрадовались нашему с Нестором примирению.

– Ну, наконец-то! – воскликнул Ананий. – Завершилась благополучно драма семейная! Я же говорил, что вы долго друг без друга не протянете. Так и оказалось: на неделю только гонора хватило!

– Ну, полно тебе, в самом деле! Нашёлся знаток дел сердечных! – пожурил его за резкость суждений мой супруг. – Кликни Татьяну и Варфоломея – мы с хозяйкой умываться и одеваться будем.

– Я уже здесь. Утро доброе, барин. Утро доброе, барыня, – Варфоломей впервые за всё это время тускло улыбнулся.

– Не смотри так пристально на мою жену. Ты смущаешь её, – произнёс Нестор, а после крепко обнялся со своим воспитателем. – А ты неплохо держишься, мой друг. Сколько уже не пьёшь?

– Пятый день сегодня, барин, – ответил Варфоломей. – Варюша приснилась, стыдила меня, ругала. С той поры совестно стало. Да и кто в лакеях пьяниц держит?

– Это верно. Слуги примерно вести себя должны. Ну что ж, давай бриться. Сегодня вечером мы с женой идём в театр.

– В театр? – переспросила я.

– А почему бы и нет? Довольно прятаться от петербургского бомонда. Самое время показаться ему. Да и спектакль, говорят, превосходный – «Ромео и Джульетта».

– Тогда, конечно, пойдём. Я обожаю Шекспира!

Пьеса действительно превзошла все наши ожидания. Игра актёров не оставила меня равнодушной. Я вышла из зрительного зала, поражённая романтической трагедией, и долго ещё переживала из-за несчастной любви двух юных итальянцев, которая стала причиной их безвременной кончины. Этот ноябрьский вечер преподнёс нам и другой сюрприз. Ожидая начала спектакля, мы с Нестором неожиданно встретили двух его друзей: Владимира Свиридова и Алексея Курбатова. Владимир был на постановке со своей дамой сердца Беллой Огинской, а Алексею компанию составляла его старшая сестра Вера.

Мой любимый муж не переставал меня удивлять. Открыв перед сном шкатулку, дабы убрать в неё украшения, я обнаружила сложенный вчетверо листочек бумаги и прочитала выведенные рукою молодого князя нежные строки:

*Мой хрупкий, чудно пахнущий цветок,
Не разорвать связавшую нас нить.
Я был бы счастлив, если б только мог
Твою навеки юность сохранить.*

*Мечте безумной сбыться не дано:
Красу девичью годы заберут.
Всё тленно и на смерть обречено,
Сгорит всё, обратится в пепел, но....*

Но ангельские крылья не умрут.

Несколько раз перечитав это трогательное послание в стихах, я бережно вложила его в оставшийся с девичества альбом и стала готовиться ко сну. Поэтические фантазии Нестора всегда находили отклик в моей душе. И пусть красивые любовные речи – это ничто по сравнению с поступками, я верила в огромную силу написанных князем Вяземским слов.

Переодевшись в сорочку, я принялась расчёсывать волосы с приятным предчувствием того, что с минуты на минуту в комнате появится Нестор. И интуиция не обманула меня. Он зашёл в нашу спальню со счастливой улыбкой на лице и с двумя чашками ароматного горячего шоколада в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.